

Донские казачьи сказки

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Давно это было. В селе Ильинском на реке Белыни в тридцати верстах от Ростова Великого жил богатырь Илья Сокол по прозвищу Муромец. Муромцем стали его звать оттого, что Илья, прежде чем приступить к ратным подвигам, просидел. Сиднем тридцать лет и три года на печи - муромке. А как решил Илья свою силу молодецкую испробовать, так завалил каменной глыбой русло реки. Просто так! Потехи ради! А после засобирался в дикие степи донские показывать. И молвит Илья своему батюшке и своей матушке: «Ай, государь ты мой родимый, родной батюшка! Государыня, ты родимая моя матушка"! Купите вы мне, Илюшечке, коня доброго, неученого. Да я сам-то его выезжу, по характеру своему выучу».

Заплакала его матушка. Не велит езжать в чужу сторону. «Потеряешь ты свою буйну голову, - да и кто же нас допоит, докормит при старости?» Отвечает Илья Муромец: «Ты не плачь, моя матушка. Я побью, погромлю всех богатырей. Я вернусь, ворочусь к своей матушке и до век-то буду и поить, и кормить свою родную, свою матушку да свою батюшку». Сказал так и оседлал коня буланого, черногривого. На-девал узду шелковую, накидал-то седелище черкесское, застегал же он все двенадцать подпрут со подпружечкою. А затем поклонился во все стороны и направился во чисто поле по шлях-дороженьке. А дороженька та не широкая, - шириною она всего семь пядей. А длиною она, шлях-дороженька, конца-краю нет. Заповедна была та дороженька ровно тридцать лет, и никто-то по ней не хаживал, ни конного да ни пешего по ней следу не было. Едет Илья по той дороженьке на коне своем, во правой руке держит копьё длинное, а во левой руке держит тугой сагайдак. Настигла его темна ночушка, своротил Илья с пути-дороженьки и взошел на высок курган. Под себя подстелил левую полочку, а правую укрылся. Сморил его сон богатырский. Среди-то ночи, среди полуночи наехали на него сорок охотников, ай да сорок разбойников. Вознамерились эти охотнички снять с него шубеночку, сагайдак отнять и коня буланого увести в полон. Но не тут-то было, случилось. Ото сна пробудился Илюшечка, схватил калену стрелу, на тетивушку наложил. Сагайдак, ровно лев, ревет, калены-то стрелы, ровно змеи, свищут. Испугались разбойнички, по темным-то лесам разбежались.

А как солнце красное разогнало ночку темную, отправился Илья Муромец далее по шлях-дороженьке. И привела его та дороженька ко стольному, славному городу Киеву. Ну, во городе-то, в этом стольном-то, воротницы заперты, железными-то крепкими задвижками они позадвинуты, булатными-то крепкими решетками позадернуты. Часовые-караульные у ворот стоят да уж больно крепко спят. Стал кричать Илья, да так и не докликался. Решил тогда он иначе в Киевград попасть. И бьет-то свою раздушечку конька по крутым ребрам-бокам. Пробивает он коню мясо черное аж до белой кости. И его душа-добрый конь крепко возмывается, пробивает-то он своей грудью белую стену каменную. А далее шел Илья, да по улице - она не широкая, - шириною была она всего три ступня, и

привела она добра молодца во царев кабак. И войдя в кабак, закричал добрый молодец своим громким голосом: «Уж вы, други мои, други любезные, слуги целовальнички! Наливайте вы мне поилица пьяного. Наливайте вы мне только на пятьсот рублей. А с напитками да еще с наедками, на всю тысячу». Призадумались братья целовальнички. «Ну, что за ярыга у нас появился, ярыга кабацкая? На нем шубочка вся худым-худа, поизорвана эта шубочка, поизлатана. Одна полочка у этой шубушки стоит все пятьсот рублей. Ну, и вся-то она, эта шубушка, стоит тысячу». Призадумались, но поилица пьяного поставили и с напитками, и с наедками. Собрал Илья голь кабацкую и гулял три дня и три ночи во всю свою душу молодецкую. Минуло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, - изгнали киевляне из Киева-града стольного князя, а был тот князь на дочери половецкого хана женат и попросил помощи у половцев для похода на стольный град Киев. Собралось ворогов тьма-тьмущая, и началась битва кровавая: от стрел небо померкло, гул да стон по земле раскатился. Как ни бились киевляне, но ослабли к концу побоища, и взяли степняки город на разор...

В битве той и принял свой последний бой Илья Муромец.

АЛЕША ПОПОВИЧ

Давно это было, да и было ли? А как не было - если сказ гласит про Змея Тугарина. Был он роста трехсаженного, шириной в три охвата. Промеж глаз калена стрела уместается. Налетал на вольных людей этот Змей, Змей Тугаринов. В Вавилоне было, в Вавилоне-то, славном городе. Проживали - жили-то там люди вольные, старики-друзи вавилонщички. И не знали они ни середу да ни пятницу. Как ни пятниц, не знали, ни воскресных дней. Налетит Змей Тугаринов, накинет своим страшным хоботом Вавилон-город. Ну, жирело свое расставит супротив ворот: пожирал люгый Змей всех курей, гусей, весь рогатый скот. И добрался так до больших голов - жирало свое направил Змей на бояр-князей. И наведалься этот Змей-злодей к князю Володимиру на пир-беседушку. Во пиру-то там сидели князья-бояре. Все сильные, могучие богатыри, а среди них только не было млад Алешеньки, свет Поповича. Голова-то у Змея с пивной казан, а глаза-то чара винная. На коне сидит, что сенная копна. Взшел Змей-собакище в палаты белокаменные, образам-то нашим он не молится и пиру-беседе не кланяется, со князьями, боярами не здоровается. А с княгиней Анельфой здоровается, за белы руки берет, целует в уста сахарные. Во большое-то место усаживается, наливает, собака, со ведро-то вина, да по целому лебедю за скулу кладет. Погодя трошки-немножко Алеша на единый часок едет на широкий двор. На коню сидит, как ясмён сокол; со добра коня Алешенька слаживает, — ни за что коня да не привязывает, никому-то его да не приказывает. Взаходит во палатушки, образам-то он нашим богу молится, пиру-беседушке он кланяется, со князьями-боярами он здоровается.

Возговорил тут речь Володимир-князь: «Вы, слуги мои, слуги верные! Вы возьмите-ка шитый-бранный ковер, застелите на печечку муровчатую, посадите Алешеньку на печечку!» Возговорила речь и княгинюшка: «Вот тут-то и пир, и беседа!»

Понесли слуги на стол и гусей-лебедей, серых утушек. Змей глотком проглотил угощение. Обозвался тут Алеша на печушке: «Как у мого батюшки собачища была, - она часто во палатушки вскакивала да пироги из-за стола выхватывала».

Догадался Змей-собака, о ком речь Алеша ведет, и отвечает добру молодцу: «Как была бы у меня прежняя волюшка, я сорвал бы верх с палатушек, а князей-бояр я бы всех перебил. Молодую княгиню за себя бы взял!» Алеша свет-богатырь, добрый молодец так возговорил Змею: «Мы поедем-ка с тобою во чисто поле да и спробуем силы богатырские». И бились они, рубились день до вечера, а со вечера до полуночи, со полуночи рубились до белой зори. Долгой битва была, но для Алеши победная. Сел он на змеинова коня, а самого Змея в тороках везет. Княгиня по сенюшкам похаживает и речи князю говаривает. «Да ты выйди посмотри на военных людей. Едет Змей Горыныч на Алешином коню, а самого Алешку везет в торочечках!» «Врешь же ты, княгиня, облыгаешься, небывалыми словесами занимаешься», - отвечает княгине князь Володимир. И слугам приказ дает: «Ой, вы слуги мои, слуги верные! Вы берите-ка лопатушки железные и сделайте релюшки высокие. Да повесьте княгиню на шелковый шнур. На шнур шелковый со Змеем Горынычем. Пускай-ка княгиня покачается, со милым она дружкой обнимается!»

А тут этой сказке конец, а другая - зачинается.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ. ДОНЧАК

Ой, по рюмочке пьем - нову сказку зачнем. Про донского казака Добрыню-Дончака. Да не стук стучит, да не гром гремит - это наш Дончак ко двору спешит. Навстречу ему родна маменька вся в слезах с причитаниями: «Ты, дите мое, чадо милое! Вот приехали к тебе гостюшки да незваные. Богатырский сын Угарович пожаловал». Смотрит Дончак окрест себя, а на всех колушках по головушке и лишь на одной вереюшке нет головы. «Тут и быть твоей голове», - сказал ему Угарович, и зовет на бой смертный в чисто поле. Возгневался Дончак на речи такие и дал свое согласие на бой. И берет он свои золоты ключи, отмыкает замочки да все немецкие. Берет уздечку все тесьменную. Добра коника гнедо-карего свою обратал, а седелище все черкесское и подпружечки все шелковые. Попрошался с своею маменькой и выехал в чисто поле на бой смертный ко Угаровичу. Вдарились в первый раз, разъехались и второй раз вдарились. И так много раз, пока Угарович с коня не свалился и не запросил пощады: «Пожалей меня!» А Дончак в ответ: «Не хвалися ты, Угарович, чужой головой. Как и быть твоей на вереюшке». Одолел Дончак врага лютого, но кручина по людям ходит, а не по полю. А кручинился он за измену жены своей Аленушки, дочь Ивановны. Тридцать лет минуло, как поизволила Дончаку его матушка отправиться во охотнички - во разбойнички. И держал он ту охотушку ровно тридцать лет и еще три года. Пока сон ему не привиделся. Будто молода жена его замуж идет за Алешу Поповича. За девичьего за насмешничка, да за бабьего перелестничка. Потревожился добрый молодец да и брал свою уздечку он тесьменную. Обратал коня, коня свою доброго, оседлал седельцем не владанным, подкладал потник шелковый. Ох и бил же он коня по крутым бедрам, да и сам же коню своему приказывал: «Ты неси, неси, мой

коник, ой, поскорей домой. Выше леса, выше темного, стоячего. Да немножечко пониже облака ходячего!» Прискакал Дончак ко двору своему. Все дубовые веревочки покачнулись, в железные задвижечки отдвинулись. От борзых кобелей брехнула собачка, и вышла к воротам старушка, ох, да старенька. Мать Дончака родимая. «Што за пьяница, за пропойца тут таскается? Подзатыльника, ай, пьяница, дожидается!» Отвечает ей добрый молодец: «Я не пьяница, не пропойца - я твое чадушко». Не узнала мать сына родимого и так ему отвечает: «Да ты врешь, врешь, молодец, облыгаешься! Старость мою обманываешь. Мое-то чадушко ровно тридцать лет как в охотниках. У моей чадушки конь, как лев, ревел, и оправа-то молодецкая была, как жар горела». «Мама, маменька» - отвечает сын, - конь-то мой, да он изъездился, и справа моя молодецкая изоржавела». Тут и пала его маменька на сыру землю. Подхватил он ее под белые руки да понес во палаты белокаменные. Входит - Богу не молится. Берет Добрынюшка гусли звончатые и струны шелковые подтягивает, песню заиграл жалкую, заунывную. «Ты, Алена, ты, Алenuшка, дочь Ивановна! Ну, и вспомни, как, Алена, с тобой игравали. Вспомни, как венчались, вспомни, как обручались. Погляди ж ты, Алена, золотой перстенок - твою памятку! Ну, где ж то было видано, чтоб в море пожары горели, а по полю корабли бежали. От живого-то мужа жена замуж идет. За того за Алешу. Ну, и мы-то бы с ним видались. Мы крестами-то с ним все менялись. Мы братьями-то с ним назывались!» Мать его, мать родимая, вся в слезах говорит ему: «Уж сыночек мой ты, Добрынюшка! Ну, и где же ты погуливал? Прогулял же ты молодую жену».

От кручины той чтоб развеяться, во Киев-град Дончак отправился ко двору князя Володимира. Собирались там князья-бояры из разных земель. Пили, ели, гуляли, прохлаждались. И промеж собой выхвалялись. Как один-то хвалится молодой женой, а другой-то хвалится своим богатством. Ну, а третий хвалится своей хитростью. «Загадаю-то я вам, князья-бояры, загадочку. Ну, не хитрую, али все не мудрую. Отгадаете ее - много вас пожалую, а не отгадаете - я вас перевешаю. Было у нас чудушко, было чудо чудное: на крутой-то горе стоит бел-горюч камень, а на камушке сидит млад ясен сокол. Он держит во руках белую рыбину. Клюет он, клюет ее очи ясные». Ну, князья-бояры - они испугались и по темным-то лесам разбежались. Лишь один Дончак, молодой Дончак, ответ держал пред загадчиком.

«Вот и, батюшка ты наш Володимир князь! Не дозвожь же ты казнить, дозвожь речи вымолвить: на крутой-то горе стольный город каменный, а в городе стольном сидит Володимир-князь, а во руках-то он держит вот свою княгинюшку».

Одарил Володимир-князь Дончака, и тот отправился восвояси.

КРАСНОЩЕКОВ ИВАН МАТВЕЕВИЧ

А было то, как сейчас, между Терекom. между тех было трех отнoжинок. Там ходил-гулял молодой казак, молодой охотничек. За плечьями он носил свою винтовочку, ой, винтовочку долгомерную, долгострельную, семипядную, восьмибляшную. А насечка у ней позлащенная, а подзоренка посребренная.

Уклеечки у ней — рыбки косточки, а подсошечки - кизилловые. И надпись была на винтовочке, что Иван сударь, Иван сын Краснощеков. Шел он не стежкой, шел не дорожкой, а тропкой-тропинкой все звериною. Повстречалась лань ему со ланятами. Воспросил Иван лань громким голосом: «Ты позволишь, лань, по тебе стрелять и по малым твоим ланяточкам?» Отвечает лань: «Ты не бей меня, млад охотничек, не сироть малых ланяточек. Коль меня убьешь, себе шубу не сошьешь, а ланят убьешь - не опушишься. Ты пойди, Иван, в зелены луга, в зелены луга заповедные. Там гуляет турчин со турчанкою. Ублажает турчин красну девицу. Ты его убей со винтовочки, а турчаночку - за себя возьми». А как известно, честный и мыслит честно. Наше Войско-то Донское приутихло да приумолкло. Взяли во полон шведы Ивана-то свет сына Матвевича Краснощекова. Взяли во полон и допрос учинили. А пред тем напоили его, раздоброго молодца, зеленым вином. Стал он пьян-распьян. Шведы стали пытать - спрашивать: «Чем служил ты, молодец, своему царю русскому и чем же ты был жалован: али сотником, али полковничком? Али был рядовым казачеком?» На шведский вопрос держит Иван свой ответ: «Я не сотничком служил, не полковничком, а служил рядовым казаком. И служил я царю русскому ровно тридцать лет!» Взъерепенились шведы, раскричались. «Уж ты врешь, казак, облыгаешься. Небывалыми речами забавляешься. Справа у тебя, добрый молодец, не казацкая, а было на тебе платье командирское. Ты служил, прослужил своему царю русскому ровно тридцать лет. Послужи-ка теперь королю шведскому хоть три годика!» Тут вскричал казак Иван громким голосом: «Кабы у меня была моя шашка острая, я бы снял с тебя, шведский князь, буйну голову». Не поддался Краснощеков Иван Матвеевич уговорам и посулам неприятельским. Не выдал он правду-истину. Замучили шведы его: посмеялись, надругались да с живого-то кожу содрали

СТЕПАН РАЗИН

Как на речке то было, братцы, на реке да на Камышинке. Проживали там люди вольные, все донские казаки, и гребенские, и яицкие. Собрались они во единый круг, во единый круг думу думати. Думушку крепкую: кому-то, братцы, атаманом быть?.. И вострубила не золотенькая трубушка, то атаманушка наш, Степан Тимофеевич, речь говорит: «Братцы, вы мои казаченьки, ну же все как один голь бедняцкая! Собирайтесь вы со всех сторон! Товарищи вы, други любезные, собирайтесь, солетайтесь, братцы, на волюшку-волю вольную!» И сбирались казаки да со всех сторон во единый круг, а в кругу том - сам Степан Тимофеевич. Он к богатым в круг не хаживал, дружбу с ними он не важивал. Офицерам-то никогда не кланялся и с купцами он не здоровствовался. И сказал Степан Тимофеевич: «Вы как есть голь казацкая, думу думайте, да меня послушайте. Поведу я вас на Куму-реку. Там поделаем себе балаганушки, балаганы камышовые. Мы разъезды будем делать дальние за Куму-реку, где живет орда богатая, богатая да немирная. Мы повыбьем, братцы, орду кровожадную, как есть всю повырежем». Воскричала голытьба-голь казацкая: «Любо! Любо! Слава атаману нашему, - Разину Степану Тимофеевичу». И продолжал атаман речь свою: «Мы поедем, братцы, гулять во сине море. Разобьем-то басурманские кораблики. Заберем казны вот сколько надобно. Да поедем, братцы, мы в кременну Москву - накупим себе платьица все цветные-

узорчатые. Поплывем мы вниз по Волге-матушке». Ай, решили на кругу - так тому и быть. И по морю, морю Верейскому, отправились на трех стружечках казаки в набег. И летела галушка, летела она чрез долинушку, горы и моря. Села на древу-ялинушку галочка да воскликнула: «Ой, что ж это на синем море, что чернью зачернелось? Ой, что ж на синем море белью забелелось? Ой, да то ж кораблики, кораблики турецкие. Нагружены те кораблики свинцом-порохом, да пушками со ружелицами». И вскричал атаман-атаманушка: «Не робейте вы, ребяташки, не робейте вы, казачушки! Берите вы бабаечки сосновые, а ежели те тяжелы, у нас есть яловые. На носу ставьте пушечки, пушки медненькие. Догоним мы те кораблики, кораблики турецкие-басурманские. Разобьем, на дно моря спровадим - заберем себе золото-серебро и оружица все заморские». И побили казаки те кораблики, ой, кораблики, да турецкие. Запевал казак на струге первом: «Ну ты, солнце, дай нам ведра. Дай нам ведра, дай погоду, путевой ясной погоды. Да и сильного дождочку - попутного ветерочку! Как нам с этим ветерочком, нам до городу подняться и с тем городом спознаться!» Ой, же много дел, славных дел, сотворил атаманушка Степан Тимофеевич и на речке Богатой, и на речке Тигринке, и по Волге гулял, и по Каспию. Ай, как по морюшку, морю синему, по Каспийскому, всплывали два кораблика, а третья лодочка изукрашена, парусами вся изувешена.

На носу сидит есаул с веслом, на корме стоит атаман с копьем. Посередь лодки золота казна, а на казне сидит девка красная. И не плачет она, а рекой-реченькой заливаётся. Степан Тимофеевич ее уговаривает: «Не плачь, девица, не плачь, красная! Одарю тебя я по-царскому. Ой, по-царскому, атаманскому».

Отвечает девка Степан Тимофеевичу: «Ай, ну, как же мне, девочке, да не плаката: я в пятнадцать лет во нужду пошла, во шестнадцать лет души резала. Я зарезала парня бравого. Парня бравого, бел кудрявого, свово дружка милого. Ай, а ноне мне сон привиделся, сон привиделся да нерадостный. Сон нерадостный на печаль-беду. Ай, тебе, Стенюшка, быть повешенным. Есаулушке быть застреленным. Ай, всем-то молодцам твоим быть в неволюшке, ну а мне, девке, быть на волюшке!»

И возгневался атаман на слова девки. В очах его молнии, громы небесные. И ответил ей Степан Тимофеевич: «Ой, да, ты ворона, ворона подгуменная! Ой, да, не тебе, ворона, в поднебесье летать и не тебе, ворона, сыру землю топтать!» Возговорил так Степан Тимофеевич и бросил девку в синь-море, в волну кипучую-злючую. Ой, ведь, да, сбылись слова девки той. Спымали солда-тушки славного атамана Степана Тимофеевича и заточили во темницу, темницу глубокою, страшную. Было то в Азов-городе. На турецкой ровной площади, у ворот султановых, во стене-то белокаменной та тюрьма была, темница темная. В той тюрьме двери медные, а запорчики все железные. На запорах тех замочки в полтора пуда, а к ним ключики два-дцать пять фунтов. И караулили атамана злые стражники. Заросла его бородушка ниже пояса шелкового, заросли его усы русы по самые могучие плечи. Только блеск в глазах, ой, не блеск, а свет свободушки.

И случилось мимо той тюрьмы по шлях-дороженьке ехать самому царю турецкому. И вскричал атаман из норы своей громким голосом, вскричал-узгичал: «Ты Султан, Султан, турецкий апаша, прикажи меня поить, кормить! Не

прикажешь ты поить, кормить - прикажи мою головушку казнить. Не прикажешь ты меня казнить - прикажи из тюрьмы выпустить. Не прикажешь из тюрьмы выпустить - напишу я скоро грамотку ко друзьям своим, ко товарищам. Чай-то Тихий Дон взволнуется, а казацкий круг сбунтуется. Разобьет он силу турецкую, а тебя, Султан, в полон возьмет». Ой, да, было это в Азов-городе, на большой улице, в славном городе. Ой, да там была темница темная, ой, да тюрьма темная, тюрьма заключенная. Да сидел во тюрьме невольничек, атаман Степан Тимофеевич. Он кричал же, шумел наш Степушка, громким голосом, будто не своим: «Ой, да, уж вы, братцы, вот мои товарищи, не покиньте вы меня во неволюшке! При моем-то, при горе-кручинушке! Пригожуся вам в недоброе времечко грудью белою, братцы, своей! Ой, да, отстоим же мы, братцы-товарищи, жизнь вольную да свободную». Кручина сковала душу атаманскую, силы молодецкие подтачивает, и чует-чует он недоброе и кричит во тьму кромешную: «Ой, да кто бы достал со дна моря мне желтого песочку! Ой, да кто бы вытер бы с моей острой шашеч-ки черную ржаву и навел моей шашечке вострую жалу! Ой, да кто бы, кто открыл запоры тюремные и отпустил ясен сокола на волюшку! Ой, да сокрушил бы я погань нечестивую, ворогов своих, ворогов Дона-батюшки!..». Ой, да, крепки запоры оказались, стража у ворот недремучая, и свезли атаманушку на суровый суд, чтоб ответ держал Степан Тимофеевич. «Ай, да, вот и, ты скажи-расскажи, с кем ты бражничал, с кем разбойничал. Да говори правду-истину, правду-истину - правду-матушку».

Отвечал Степан своим судиям, отвечал атаман правду-матушку: «Ай, да, вот и, я не бражничал, не разбойничал. Со гольтьбой своей, голью казацкою по морям гулял да по рекам широким. Гулял добрый молодец - корабли топил. Я бояр да купцов разбивал, морил. Ай, да, я гольтьбушку свою, я на бой водил. И не счесть-перечесать вам моих сотоварищей, а где они скрываются - я не ведаю».

Суд недолгий был, суд неправедный. На заре было да на зореньке. На восходе солнца ясного, да на закате месяца светлого. Ой да, на Дону-то нездорово сделалось. Помутился наш славный Тихий Дон со вершин своих до синего моря Азовского. Ой, да, помешался наш казачий круг - нет у нас атаманушки Степана, братцы, Тимофеевича, а по прозванью Стенька Разин. Ой, да спымали его, добра молодца, завязали руки белые и свезли-то в кременну Москву и на славной той Красной площади отрубили ему буйну голову.

ПОЕДИНОК ПЕТРА-ЦАРЯ С КАЗАКОМ

Славен Тихий Дон делами, вольными казаками, казаками-удальцами. Как это было, братцы, на святой Руси. На святой-то Руси, в кременной Москве, славном городе при Петре-царе. Держал Петр-царь три полка в славном городе. Первый-то полк - стоял полк Преображенский, второй-то полк стоял Измайловский, ну а третий полк-то стоял гренадерский. Как в пору свою царь в тех полках погуливал, да не один гулял, а с генералами. И вздумалось царю потеху учинить, потеху царскую. «Ой, да, уж и нет ли у вас на царя охотничка? На Петра Алексеевича нет ли поединщика? Уж того ль поединщик-ка-охотничка, если станет он победителем, наградит царь-надежа по-царскому!» Но стоят войска,

усмеваются, с ноги на ногу переминаются. Ни в одном из этих полков не нашлось охотничка. Ой, да выехал тут и охотничек, из полка из казачьего выехал. И сошлись царь с казаком рука за руку. Генералы кругом стоят, усмеваются. А казак-то взял царя Петра Алексеевича за белые груди да и вдарил об сырую землю. Ой, и тут царь-надежда побледнел с лица. Он лежит, царь Петр, на сырой земле, а сам речь говорит как по-писаному: «Ну и чем же тебя, чем, казак, пожаловать? Большим чином али золотой казной?» Отвечает казак, удалой молодец: «Ой, мундиров-чинов мне не надобно! И не надо мне золотой казны. Ты пожалуй меня волей вольною, отпусти на четыре па стороны. Чтобы мне, казаку, не в строю стоять, а во темных лесах гулять, во диких степях раздольничать!» Усмехнулся царь, и сказал ему: «Я сдержу свое слово царское, награжу тебя, как обещано: будешь ты висеть на шелковом шнурке, будешь вольно качаться на семи ветрах, на четыре на стороны посматривать».

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Вознамерился султан турецкий русскую землю в полон взять. Прислал письмо в Белокаменную: «Отберу я всю русскую землю. В кременную Москву не на час приду, а приду на веки на вечные. Генералам дам на постой дворцы, а солдатам - дома купеческие. А сам-то я, султан турецкий, сяду во Кремле, во больших твоих палатах во каменных». Затужилася и сгоревалася вся расейская земля. Стон пошел по Руси великой. И вот, как есть, один наш Суворов отозвался султану турецкому: «Соберу я силы войска многого и пойду тебя, султанишка, воевать. Наперед пошлю казачушков, а уж сам-то за ними с войском пойду. Заберу я горы Забалканские, стану там зимовать, а весну-то я встречу во Истанбуле!» Назад пишет нашему Суворову сам турецкий грозный апаша: «Давай выйдем во чистое поле да сведем наши войска: у кого из нас шашечки вострее, тому и победою владеть!» Усмехнулся наш Суворов: «У нас, у донцов шашки вострее, нам, донцам, и победою владеть!»

Казак за шашку берется - за честь России дерется.

ПЛАТОВ МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ

Вот однажды наш Платов-генерал поехал по полям. Поехал по полям и в гости ко французикам попал. В гости Платов-то попал, а вот, как сейчас, французик-то его и не признал. Зазывает его во палаты, за стол дубовый сажает, брагой хмельной угощает и спрашивает: «Ай, выпей рюмку, выпей две, но скажи мне всею правду. Я в Рассеюшке бывал, всех ваших командиров видал, а вот только не видал - казака Платова». Платов скоро догадался, что они-то, французики, его не признали. Смолчал. А когда из палат-то выходил-то, как сейчас-то, говорил: «Ой, да, други вы мои, казаки донские! Вы подайте мне мово коня лихого». Сел Платов на свово коня, подлетел ко окошку и благодарит французика: «Ой да, спасибо те, французик, и за хлеб, и за соль, и за сладкое вино. Ой, да ты ворона, ты ворона - загуменная карга. Не спымать тебе, вороне, ясна сокола!..» А французики возбрыкнулися, выхваляться стали: вобрали себе армеюшку по разным по земелюшкам, а нашему царю Александру прислали грозную газетушку. Так, мол, и так, царь русский, просим тебя не прогневаться, а

изготовить нам квартирушки по всей Москве белокаменной. Наполеон же, как есть сейчас, запросил для себя царские палатушки. Сидит царь на тронном стуле, призадумался. Созвал сенаторов да и стал им жалиться: «Ох, перепугался же я, сенаторушки. Не знаю, как быть теперича». А вот и пишет ему с Дону атаман Платов, про ту беду прознав: «У меня-то есть на Тихом Дону друга верные казаченьки. Ох-и, позову я моих лихих казаков на француза-неприятеля». Повелел тут Александр-царь атаману Платову воевать Наполеона. Кликнул атаман голосом богатырским, што аж по всем куреням услыхалось. «Ох-и, вы орлы мои сизокрылые, соколы мои залетные!. Ой, седлайте донских коней! Седлайте, не замешкайте! Ой, да мы встретим врага среди путя да и вдарим, вдарим лавою. Приготовим ему сладки кушанья — бомбочки со ядрами. И закусочки мы пошлем - пушки медные со лафетами. Ой, а квартирушки ему приготовим в чистом поле, в чистом поле среди путя!» Всегда казаки Россию обороняли - чести не роняли. * И в ту годину страшную не две-то тучушки грозные вместе сходились, а две армейюшки превеликие на поле брани соединились. Они бились, рубились от света и до темна. И так трое суток. И случилось так, что французики нашу армию призабидели. Тут-то наш Александр-от царь стал журить, бранить свово благодетеля - графа Кутузова: «Ай, отчего же ты, граф, не успел позвать с Дону полки донские со атаманом Платовым?» Не успел Кутузов-граф слово молвить, как со правой-то стороны, сторонюшки бегут они лавою, полки донские, и впереди-то всех - атаман Платов. Обнажил-то шашку свою вострую - ее наголо несет, а казачки с пиками. Ай, да приклонили свои пики длинные коням на черные гривы. Приклонивши пики свои, казаки вперед кинулись. Закричали-то они, загикали. Сами на ура пошли. И бились они со утра день до вечера. Так-то расейская армия французскую призабидела. Теперь-то наш царь-государь весел конем бегаёт, поздравляет войско Донское: «Да и чем же я вас, дончаки, жаловать-то буду? А пожалую вас, казаков донских, всех вас кавалерами!» Тут-то наш атаман Платов речь царю возговорил: «Да не жалуй нас, своих казаков донских, кавалерами. Кого ж тогда в караул пошлешь?» А казаков-то в Париже на руках носили - такова была честь России!

КАК УРУП-КНЯЗЬ В ГРЯЗИ УВЯЗ

Давно это было, при царе Иване Васильевиче Грозном. Взял он тогда татарскую столицу город Казань, все царство татарское покорил, всех татарских князей и самого царя ихнего казанского в плен взял. Один только князь Уруп со своею свитою от него ускакал. Поскакал он к своему родному брату Крымскому хану, чтобы там большую рать собрать и с нею на Москву идти, царю Ивану Васильевичу за покорение Казани отом-стить, за позор своего царя Казанского и всех его князей отплатить. Услышал Иван Васильевич, что бежал от него князь Уруп, разгневался на своих воевод он, что они так зазевались и оплошали, князя татарского упустили. Грозит им немилостью своею, казнями лютыми, чтобы они живым или мертвым князя Урупа к нему представили.

Сидят воеводы, загорились, не знают, что им делать, как князя татарского поймать, где его искать. Прослышал об этом Ермак Тимофеевич Чигин. В ту пору он со своими казаками царю Ивану Васильевичу подсоблял Казань брать. Пришел

он к воеводам и говорит: - Я вам услужу, ваши головы обороню. Князя Урупа живым или мертвым к царю Ивану Васильевичу представлю.

Возрадовались все воеводы, и говорят они Ермаку:

- Чем же, скажи, тогда наградить мы тебя должны?

Ермак им в ответ:

- Никакой мне награды от вас не требуется, будет мне наградой моя слава и честь казачья.

Сел на коня и поскакал со всеми своими казаками за татарским князем Урупом в погоню, своей казачьей славы и чести искать. Скакал Ермак от самой Волги-матушки полями широкими, лесами дремучими, через реки глубокие на своих добрых конях с казаками вплавь переплывал. Дни и ночи три недели скакал, все за татарским князем Урупом гнал. На четвертой неделе в степи среди ковылей Ермак Тимофеевич с казаками увидел: стан татарский раскинулся, стоит. Посреди малых палаток черных стоит большая палатка белая, а в ней сам князь Уруп лежит себе, в тени отдыхает, прохлаждается, беды на себя и напасти никакой не чает. Налетели казаки -на татарский стан. Всю свиту князя Урупа порубили, один лишь князь Уруп на коня успел вскочить и поскакал. Увидел Ермак Тимофеевич, что хочет он уйти от него, коня через лоб плетью вытянул и за ним. Скачет князь Уруп, назад оглядывается, а Ермак Тимофеевич все ближе и ближе к нему, настигает его. Оробел князь Уруп, то в одну сторону своего коня повернет, то в другую, а Ермак Тимофеевич все ближе. Уже видит князь Уруп, как конь его гривой потряхивает, слышит он, как конь Ермака Тимофеевича слегка пофыркивает. Оробел еще пуще тут татарский князь Уруп и повод из рук своих упустил. Почуял его конь, что не правит им хозяин, вдарился напропалую. С разлета взял в болото, в невылазную твань, вместе с князем Урупом и влетел, по самую шею в грязи увяз. Видит князь Уруп, что некуда ему податься, взмолился он Ермаку Тимофеевичу о пощаде, чтобы не предавал он его лютой смерти. Пощадил Ермак Тимофеевич татарского князя Урупа, смилостивился над ним и взял его в плен, к царю Ивану Васильевичу в стан привез. Воевод от немилости царской и казни лютой избавил, а себе славы и чести казачьей прибавил. С тех-то вот пор болото, что на берегу реки Хопер было, и в каком князь татарский увяз, по его имени Урупом называется. Прошло лет сто, болото пересохло, и на его месте, на самом берегу Хопра построилась станица, какую от того болота тоже Урюпинской назвали.

ЕРМАК И УЖ

Шел походом Ермак на Кучума. Сибирское царство он с казаками для России хотел покорить. Пришли на реку Иртыш, начали казаки деревья рубить, баркасы делать, чтобы на этих баркасах вниз по реке спуститься до самой Кучумовой столицы дойти и приступом ее взять. Две недели казаки деревья валили да две недели баркасы делали. Когда все баркасы были готовы, погрузились на них все казаки вместе со всеми своими коня-ми и чугунными

пушками. На передний, самый большой баркас сам Ермак Тимофеевич Чигин с полковым знаменем сел. Хотели было казаки в путь уже трогаться, шестами от берега отпихнуться, как вздумалось Ермаку Тимофеевичу перед походом свой баркас осмотреть. Знал он, что предстоит ему с казаками путь дальний и нелегкий в чужую сторону татарскую, Сибирью называемую. Обошел он весь баркас от носа и до кормы - и видит, что из-под кормы какая-то веревка черная длинная торчит. Потянул он ее за конец и видит, что это вовсе не веревка, а гад ползучий ужом прозываемый. Поднял его Ермак, размахнулся и хотел в воду бросить. Но тут уж заговорил человеческим голосом.

- погоди, казак донской, Ермак Тимофеевич Чигин, меня в воду бросать. Дай мне время и срок - я тебе слово одно нужное скажу.

Приостановился Ермак и говорит ужу:

- Ну, говори свое нужное слово.

А уж опять ему человеческим голосом:

- Царь сибирский Кучум всех мышей подговорил, богатыми посулами подкупил, хочет он тебя со всеми казаками твоими погубить, чтобы ты до его Кучумовой столицы не дошел, приступом ее не взял и царства его Сибирского России не покорил.

Удивился Ермак:

- Да что же они могут мне, мыши, сделать? Я один их не одну тысячу без всякого оружия одолею, ногами подавлю. А уж не унимается:

- Подолеть-то ты их в открытом бою, не только что не одну, а сотни тысяч одолеешь, порешили они тебя с Кучумом своею хитростью извести. Погляди под кормою, откуда ты меня вытащил, там дыра прогрызена. Ее мыши прогрызли, а я своею головою заткнул, чтобы в нее вода не шла. Поди на каждый баркас, погляди - и на каждом под кормою дыра прогрызена, а в каждой дыре уж, мой родной брат, сидит, своим телом дыру затыкает. Дается диву Ермак Тимофеевич, и больше еще он удивляется, когда пошел с баркаса на баркас, а там на каждом баркасе под кормою он дыру прогрызенную мышами нашел, а в каждой дыре по ужу сидит, своею головою и всем телом ее закрывает, старается, воду в баркас не пускает. Подумал Ермак, подумал и смекает, а ведь и вправду, если бы не уж со всеми своими родными братьями, то пропал бы он в пути вместе со всеми своими казаками, прежде времени в реке Иртыше утонули и Сибирского царства Кучумова России не покорили. Велит Ермак Тимофеевич казакам в баркасах дыры заделывать, все щели паклею забить и проконопатить, а ужа, что на его баркасе своим телом дыру заткнул, - к себе зовет и говорит ему:

- Хоть ты и ползучий гад, хоть и род твой издавна с людьми во вражде живет - я тебя и всех твоих детей от других гадов за великую передо мною и всеми казаками услугу на весь век отличу, не будут люди ни тебя самого, ни братьев, ни детей твоих никогда понапрасну обижать. С этими словами Ермак взял и коснулся ужа

двумя пальцами чуть пониже головы. Там, где коснулся Ермак ужа пальцами, там у него стали два желтых пятна. С тех пор не стали люди обижать ужей, отличая их от всех других гадов ползучих по двум желтым пятнам, что пониже головы лежат. Так Ермак Тимофеевич отличил ужа и его братьев и отблагодарил их за ту помощь, какую они оказали ему во время похода его на столицу Сибирского царства.

ПОЧЕМУ НА ОСИНЕ ЛИСТ ДРОЖИТ

Всегда, и когда ветра нет и тишина стоит, на белой осине лист трепещет и дрожит. Всегда на этом дереве бьется лист, когда ни погляди на него. Случилось это после того, как Кондрата Булавина предали, воеводам его за сто целковых продали. Нашлись в Черкасске иуды да предатели тер да ер, да Ванька-вор, да Федька-резак, да жила Епишка, да прижимистый Мишка - низовский казак. Вся эта шайка до денег была жадная, за медный пятак не то что соседа, отца родного самому черту продать была готова. Все они в Черкасске в то время возле Кондра-та были, все возле него всё крутились, линьками вились. Все выглядывали да высматривали и не в торбах, а на своих языках к воеводам царским таскали. Те все думали да смекали. Простой бесхитростный был человек Кондрат, открытая душа у него была, не приглядывал он за ними и ничего не замечал, нужно бы было за каждым в десять глаз глядеть, день и ночь сторожить. Ночью воевод с солдатами они тайком, воровски, в Черкасск привели. Всех верных казаков ему перебили, самого Кондрата в доме окружили, в полон взять живым хотят. Но не мог он позора такого принять, в руки воеводам царским отдаться. Взял свой турецкий пистолет, вынул его из-за пояса и весь заряд себе в самое сердце всадил. Гордый человек был, настоящий прирожденный казак. Как помер Кондрат, так все иуды да предатели - тер да ер, да Ванька-вор, да Федька-резак, да жила Епишка, да прижимистый Мишка - низовский казак, к воеводам царским пришли награды себе за свои подлые дела просить. Сулили им воеводы царские, когда жив Кондрат был, целый бочонок золота дать, какой вот-вот должны были не нынче, так завтра из Москвы привезти. А когда он умер, так они их не очень жаловать стали, на всю шайку, как псам, кинули сто серебряных целковых, отвяжитесь от нас да не лезьте. Когда иуды да предатели эти сто целковых от воевод царских получили, то сообща до времени решили их схоронить, в землю зарыть. Боялись, как бы казаки по этим деньгам о их подлых делах не догадались. Тогда им всем несдобровать, живыми не быть, голов на своих плечах не сносить. Все ночью они уговорились, за Черкасск, потаясь, вышли, сто этих серебряных целковых в чугунный казанок положили и под осиной поглубже зарыли, чтобы после их легче было найти. Знамое дерево белая осина, и в лесу ее далеко всегда и днем и ночью видно. Зарыли они клад и идут себе преспокойно все в Черкасск назад. Промеж себя речи гутарят, а навстречу им казаки, они все уже про них прознали и проведали. Слово им сказать не дали, всех похватили, руки и ноги веревками повязали, посовали в кули и в Дон с высокого яра в самую глубь покидали. Все в Дону и утонули - и тер, и ер, и Ванька-вор, и Федька-резак, и жила Епишка и прижимистый Мишка - низовский казак, - ни одного иуды да предателя в живых казаки не оставили, ни один из Дона не выплыл. Утонули иуды да предатели, и где клад их зарыт, никто не знал, да больно-то о нем никто и

не дознавался. Так он на веки вечные там и остался под осиной лежать. Вот почему, казаки, на белой осине лист всегда трепещется и дрожит, потому что под нею иудами да предателями нечистый их клад зарыт.

СТАНИЦА КОТОВСКАЯ

На шляху между станицами Урюпинской и Михайловской лежит станица Катовская. Нынче ее уже из молодых казаков никто не зовет станицей Катовской, а все больше Котовской величают. Должно, думают, что в их займище коты дикие когда-то жили, а вот вы лучше послушайте, что люди старые про это говорили.

Не коты там в лесу жили, а в этой станице царские воеводы всех катов-резаков поселили. После бунта на Хопре воево-ды многих казаков мучили и казнили. На Хопер со всех сторон обширной матушки Руси для этого дела всех катов-резаков собрали. Больно им тут работы спервоначала много было. Года два каты-резаки трудились, потом то ли устали воеводы судить казаков, притомились, то ли уж ни-кого судить не осталось, воеводы тысячи казаков уже осудили, не стало у катов-резаков работы, а им ведь тоже за-даром воеводы деньги не дают. Они им от загубленной души платили медные гроши. Сидят каты-резаки без дела, вконец обезденежили: ни есть, ни пить им не на что купить. Пришли к воеводам и слезно плачутся:

- Отправьте нас, воеводы, каждого домой по своим во-лостям, надоело нам таскаться по гостям.

Прикинули в уме воеводы, что провоз да прокорм катов-резаков им в копеечку вьедет — и решили они их всех на казачьей земле новой станицей посадить. Сели станицей все каты-резаки, и стали они тоже донские казаки. Звали их все: казаки катовские - люди дюже они хреновские. Станицу же, где одни каты-резаки жили, спервоначала Каховской величали, а потом уже Котовской начали все ее звать. Лихие дела первых поселенцев этой станицы, катов-резаков, видно, люди позабыли, и все их страшные дела в степи вьюга да метель позамела.

ШАШКА-САМАРУБКА

Жили были в станице казак с своей бабою. Жили они ни бедно и ни богато, а так себе, середка на половине. Были у них три сына. Старшего звали Петром, среднего Николаем и меньшего Ванюшкой. Первые два старших были умными, а меньшой был не так чтоб совсем глупым, а «малость с придурью» у своих отца с матерью и станичников считался. Подросли сыновья, и решил их казак поскорее поженить да от себя отделить. Пусть каждый из них своим домком, своим умом-разумом поживает. Каждый пусть себе добра сколько ему хочется наживает. Осенью, как подубрались они со всеми хлебами, чистое зерно в амбары посыпали, призвали отец с матерью старшего сына Петра и говорят ему:

- Хотим мы тебя, сын наш старший Петр, женить да от себя отделить, чтобы ты своим умом-разумом пожил, что бы ты сам себе добра нажил.

Поклонился Петр отцу и матери в пояс и говорит им:

- Спасибо вам, батенька, спасибо вам, маменька, что догадались, а то я сам просить вас об этом же думал. Охота мне и самому на воле пожить, первым на станции богатым посевицом стать, думаю я у заплошавших казаков пай их в залог да в аренду брать.

В мясоед оженали Петра, отгуляли свадьбу. Отделили от себя его отец с матерью, и начал он у заплошавших казаков пай их в залог да в аренду брать, первым на станции богатым посевицом стал.

Призвали отец с матерью середнего сына Николая и говорят ему:

- Хотим мы тебя, сын наш середний Николай, женить да от себя отделить, чтобы ты своим умом-разумом пожил, чтобы ты сам себе добра нажил.

Поклонился Николай отцу и матери в пояс и говорит им:

— Спасибо вам, батенька, спасибо вам, маменька, что догадались, а то я сам просить вас об этом же думал. Охота мне и самому на воле пожить, думаю я у сирот да у вдов казачьих полпай ихние в полцены скупать, первым на станции арендатором-перекупщиком стать.

На Красную Горку оженали Николая, отгуляли свадьбу. Отделили от себя его отец с матерью, и начал он у сирот да у вдов казачьих полпай ихние в полцены скупать да втридорога воронежским арендаторам перепродавать, первым на станции богатым арендатором-перекупщиком стал.

Призвали отец с матерью и самого меньшего своего сы-на Ванюшку и говорят ему:

- Хотим мы тебя, сын наш, что ни на есть меньшей Ва-нюшка, как и твоих братьев старшего Петра и середнего Николая, оженить да от себя отделить, чтобы ты своим умом-разумом пожил, чтобы ты сам себе добра всякого нажил.

- Не хочу я, мои родимые, мой батенька, моя маменька, жениться. Рано мне казаку с молодой женой своим домком, своим умом-разумом жить. Больно мне охота по свету погулять, своего счастья попытать, правду-матушку в глаза всем резать, найти Степана Тимофеевича Разина заветную шашку-саморубку и всех злодеев, неправдой живущих и слабых сирот да вдов казачьих обижающих, по правде на-казать. Отпустите меня на волюшку вольную и жениться меня не невольте...

Осерчал отец, усы крутит, снял со стены нагайку и не один раз ею Ванюшку по спине вытянул, поучил. Мать же потихоньку слезы ронит, уголком листового платка, чтобы казак ее не заметил, глаза утирает. Отец Ванюшку нагайкой охаживает, а он все знай по-прежнему на своем стоит.

- Отпусти, отец, поеду я по свету гулять, свое счастье искать да заветную шашку-саморубку, что Степан Тимофеевич Разин в Кавказских горах схоронил.

Охаживал отец Ванюшку, охаживал, притомился и рукой на него махнул:

- Ничего с дураком, видно, не поделаешь. Дал ему коня и говорит:

- Ну, если не хочешь жениться да с молодой женой своим домком жить, так и быть уж, отпускаю я тебя на все четыре стороны, поезжай, по белу свету погуляй да свое счастье поищи, пошукай.

Обрадовался Ванюшка. Отца с матерью расцеловал, сел на коня и в ковыльные степи поскакал. Как уехал он, так отец о нем и думать забыл, лишь мать нет-нет слезу о нем и уронит. А Ванюшка наш едет себе ковыльной степью. День едет, два едет, три - никого-то он, ни единой души в степи не встречает. Только на четвертый день едет и видит: высокая-высокая сурчина стоит насыпана, а на той сурчине коршун схватил лапами сурка и дерет, клювом и крыльями по голове его бьет, так что шерсть от него во все стороны летит. Стало жалко Ванюшке сурка, отбил он у коршуна его, от лютой смерти избавил. Поотдохнул сурок малость, на задние лапки поднялся и заговорил человеческим голосом:

- Куда ты свой путь, добрый молодец, держишь, что по белому свету ищешь? Расскажи мне, может быть, и я тебе чем-нибудь помогу.

Говорит ему Ванюшка:

- Еду я, по свету гуляю, свое счастье пытаю, правду-матушку в глаза всем резать хочу. Да еще я заветную Степана Тимофеевича Разина шашку-саморубку найти хочу и всех злодеев, неправдой живущих, слабых сирот да вдов казачьих обижающих, по правде-справедливости наказать думаю. Выслушал сурок Ванюшку, понравились ему его речи, и говорит он человеческим голосом:

- Наклони ко мне правое ухо, добрый молодец, а я тебе и скажу потихонечку, чтобы никто нас не услышал, никто не узнал, как найти тебе путь-дороженьку к этой самой заветной шашке-саморубке, что Степан Тимофеевич Разин в Кавказских горах схоронил. Наклонился Ванюшка правым ухом к сурку, выслушал его, каждое слово крепко запомнил, попрощался и тронулся в путь. Долго ли, коротко ли ехал он, никто о том не знает. Но вот видит Ванюшка, что приехал он к Кавказским горам, какие перед ним, что стены из белого камня сложенные, встают, собою ему путь загородили. Слез с коня Ванюшка, пешой идет, коня за собою в поводу ведет. Подошел к горам и видит: все так, как ему сурок на правое ухо шептал. Возле гор старый дуб стоит, а от того дуба вверх дорожка узенькая-преузенькая, еле-еле приметная вверх в гору идет, змеею между скал вьется. Привязал он коня к дубу, а сам в горы полез. Долго он шел все тою дорожкой, пока не дошел до самой вершины горы и видит в скале вход в пещеру, возле него казаки, все в красное сукно одетые, стоят - и шаровары, и чекмени, и верха у шапок - все, как алый мак, у них на солнце горит. Стоят эти казаки на часах, обнаженные палаши в руках держат. Смело подходит Ванюшка к ним и говорит:

- А ну-ка пропустите меня, казаки, мне в пещеру пройти надобно.

Один казак, какой постарше всех других был, у него в бороде уже седина пробегала, спрашивает Ванюшку:

- А зачем тебе надобно в пещеру идти, чего ты там взять хочешь?

Ванюшка не робеет.

- Хочу я там взять заветную шашку-саморубку, какую сам Степан Тимофеевич Разин на каменную стенку повесил. По нашей русской земле с ней прогуляться, всех, кто сирых и бедных обижает, кто вдов и сирот заставляет слезы лить, кто обманом да неправдою живет, того шашкою-саморубкою сурово наказать.

Расступились казаки молча и пропустили его в пещеру. Долго шел Ванюшка ходами и переходами темными, пока не дошел до первого зала. Вошел в него, а в нем белый свет стоит, как бы сама луна горит. А это не луна горит, а в за-кромах высоких, что по стенам стоят, серебро полным-полнехонько до самого верха насыпано, переливается. Поглядел Ванюшка на серебро, подивился и дальше пошел. Долго он шел ходами и переходами темными, пока не дошел до второго зала, вошел в него, а в нем красный свет стоит, как бы само солнце сияет. А это не солнце сияет, а в закромах высоких, что по стенам стоят, золото полным-полнехонько до самого верха насыпано, переливается. Поглядел Ванюшка на золото, в горсть набрал, с руки на руку перекинул, опять все до единого кусочка в закроем кинул, подивился и дальше пошел. Долго он шел ходами и переходами темными, пока не дошел до третьего зала. Вошел в него, а в нем свет, и красный, и синий, и зеленый, и желтый стоит, как бы сама радуга светится. А это не радуга светится, а в закромах высоких, что по стенам стоят, самоцветные камни полным-полнехонько до самого верха насыпаны, переливаются. Поглядел Ванюшка на самоцветные камни, возьмет камень, какой ему больше других приглянется, подержит на ладони, подержит и опять его в закроем положит. Играл он так с самоцветными камнями, играл, пока ему не наскучило, а как наскучило, так он и дальше пошел. Долго он шёл ходами и переходами темными, пока не дошел до четвертого зала. Вошел в него, а в нем в трех углах темнота непроглядная, лишь в четвертом углу свет чуть горит, чуть теплится. Приглядывался Ванюшка, долго приглядывался, потом видит, что на каменной стене висит шашка. «Это и есть та самая заветная шашка-саморубка, что Степан Тимофеевич Разин на каменную стенку повесил», - думает он. Подошел к каменной стене, снял шашку, на себя надел и прочь из этого зала пошел. Ходами и переходами темными через все три зала, в каких закроем полные самоцветных камней, золота и серебра стояли, прошел, нигде ни в одном из них ни на минуточку не задержался, нигде ничего не взял и к выходу пещеры вскорости подошел. Подошел к ее выходу и хотел на вольный свет выйти, как казаки, что с обнаженными палашами возле входа стоят, обступили его со всех сторон и не дают ему шагу больше ступить, а казак, какой постарше всех других был и у какого в бороде уже седина пробегала, приказывает Ванюшке все свои карманы вывернуть, все что в них есть показать. Не задумался Ванюшка, сразу же все карманы вывернул, в них у него давно уже последняя копейка перевелась, лишь хлебные крошки из них посыпались. Ванюшка всегда в кармане про запас краюшечку хлеба держал, а сейчас, когда из пещеры назад с шашкой-саморубкой шел, то эту последнюю краюшку съел. Остались у него в кармане одни крошечки. Покачал головою старый казак, подивился и спрашивает Ванюшку:

- Ты во всех четырех залах, добрый молодец, побывал?

- Во всех четырех, - отвечает ему Ванюшка.

- И высокие закрома до самого верха полным-полнехонько серебром, золотом и самоцветными камнями насыпанные видел?

- И высокие закрома до самого верха полным-полнехонько серебром, золотом и самоцветными камнями насыпанные видал, - отвечает ему Ванюшка.

И опять его старый казак пытается:

- И ничего ты себе из них не взял?

- И ничего себе из них не взял, - Ванюшка ему отвечает, - не затем я в пещеру ходил. Ходил я туда за шашкою-саморубкою, — вот ее-то и взял. Больше мне ничего там не надобно было.

Подивился старый казак еще раз и говорит:

- Ну, верно, добрый молодец, твое счастье, ничего с тобою не поделаешь, больно ты честлив да справедлив. Бери заветную шашку-саморубку и езжай, куда тебе хочется; не смею я тебя больше удерживать, только когда с горы ты спускаться будешь, дорогой мимо пропасти идти, то загляни в нее и увидишь там всех, кто за шашкою-саморубкою ходили, но вместо нее из высоких закромов, что ты видал, карманы себе набивали. Попрощался Ванюшка с казаками и легко так под гору пошел. Дошел до пропасти, заглянул в нее и видит: все дно ее от человеческих костей бело. Рубили головы казаки, что сторожами к пещере были приставлены, тем, кто в нее за шашкой-саморубкой ходили и своего слова не держали, вместе с шашкой-саморубкой и серебро, и золото, и самоцветные камни брали. Рубили им головы казаки и бросали их всех в глубокую пропасть, куда сам черный ворон не залетает. Подивился Ванюшка жадности погибших и пошел себе дальше. Дошел до старого дуба, отвязал коня, сел и поехал прямо в родную станицу, к себе на тихий Дон. Едет, песни себе подтанакивает, попевает, к родной станице подъезжает. Возрадовался он, приободрил коня и на рысях в станицу въехал. Улицей едет, к круглому дому под железной крышей подъезжает. А возле него почти что все станичные сироты и вдовы стоят и его среднего брата Николая клянут. Приостановил Ванюшка коня, сам плетью помахивает, оводов и мух с него сгоняет, а сам спрашивает:

- За что вы, вдовы и сироты, моего среднего брата Николая ругаете?

Восплакались все вдовы и сироты.

- Да как же нам его, мошенника толстомордого, не ругать: забрал он у нас еще с прошлой осени земельку, обещался за нее поплатиться, а сам нам никому ни единой копейки не дал. Стыдно стало Ванюшке за своего брата. Соскочил он со своего коня, вбежал по порожкам на парадное крыльцо и не так ли в него, в крыльцо, застучал. Вышел сам его средний брат Николай, открыл дверь и говорит:

- Что ты, брат Ванюшка, буянишь, в двери ко мне бьешь, покою не даешь? Пожалюсь я атаману, у него и на тебя, глядишь, управа сыщется.

А Ванюшка ему в ответ:

- Ты бы, брат, чем меня зря ругать, лучше поплатился бы сиротам и вдовам за их земельку.

Еще больше озлился брат Николай на Ванюшку.

- Ишь ты, какой мне указчик нашелся, невесть где шатался, а теперь указываешь, тоже умник какой сыскался!

Без тебя знаю, когда и кому платить надо. А эти, — он указал на сирот и вдов, - еще с меня годик подождут.

Хотел уже затворить дверь, как Ванюшка к шашке-саморубке разом наклонился и шепнул ей:

- Шашка-саморубка, накажи моего среднего брата Николая за слезы сиротские, за обиды вдовьи, как сама знаешь.

Шашка-саморубка из ножен выскочила, сама размахнулась да как вдарит брата Николая, и покатила его голова по порожкам прямо на дорогу. Избавила шашка-саморубка сирот и вдов казачьих от прижимистого арендатора-перекупщика.

Сел Ванюшка на коня и дальше по станице едет. Выехал на станичную площадь и видит: на углу дом круглый под железной крышей стоит, куда больше, чем у среднего брата Николая. Подъезжает, а возле него много мужиков-лапотников со своими бабами сидят, и все они его старшего брата Петра клянут. Приостановил Ванюшка коня, сам плетью помахивает, оводов и мух с него сгоняет, а сам и спрашивает:

- За что вы, мужики-лапотники и бабы, моего старшего брата Петра ругаете?

Еще пуще мужики-лапотники и их бабы разошлись.

- Да как же нам его, мошенника толстопузого, не ругать - все лето мы у него работали, хлеб убирали, обещался он нам с поженок поплатиться, а сейчас вот уже осень скоро заходит, а он нам никому еще ни единой копейки не дал!..

Стыдно стало Ванюшке за своего брата. Соскочил он со своего коня, вбежал по порожкам на парадное крыльцо и не так ли в него кулаком застучал. Вышел сам его старшой брат Петр, открыл дверь и говорит:

- Что ты, брат Ванюшка, буянишь, в двери ко мне бьешь, покоя не даешь? Пожалюсь я атаману, у него и на тебя, глядишь, управа сыщется.

А Ванюшка ему в ответ:

- Ты бы, брат, чем меня зря ругать, лучше поплатился бы мужикам-лапотникам да бабам за их работу тяжелую.

Еще больше озлился брат Петр на Ванюшку.

- Ишь ты, какой мне указчик нашелся, невесть где шатался, а теперь указываешь, тоже умник какой сыскался. Без тебя знаю, когда и кому платить надо. А эти, — он указал на мужиков-лапотников и на баб, - еще с меня годик подождут.

Хотел уже затворить дверь, как Ванюшка к шашке-саморубке разом наклонился и шепнул ей:

- Шашечка-саморубочка, накажи моего старшего брата Петра за слезы бабьи, за обиды мужичьи, как сама знаешь.

Шашка-саморубка из ножен выскочила, сама размахнулась да как вдарит брата Петра, и покатила его голова по порожкам, прямо на дорогу. Избавила шашка-саморубка мужиков-лапотников да баб от жадного хозяина.

Сел Ванюшка на коня и дальше по станице едет, свернул в переулок, а к нему станичный печник Федор, мужик простой, навстречу идет, а за ним два старика-гласных опивахи, уже малость выпивши, привязались, за руки хватают, двугривенный на водку себе просят.

- Ты нас уважь, угости, а если нам на водку, Федор, мужик простой, не дашь, то мы тебе, старики-гласные, морду поколупаем и ребра пересчитаем, а ты и руки отвести не смей и тронуть пальцем нас не подумай, мы гласные-старики, почетные казаки!..

Не стерпел тут Ванюшка, разом, не слезая с коня, к шашке-саморубке наклонился и шепнул ей:

- Шашечка-саморубочка, накажи обоих стариков-гласных, почетных казаков, как сама знаешь.

Шашка-саморубка из ножен выскочила, сама размахнулась и начала обоих стариков-гласных, почетных казаков, по спине и по бокам охаживать. Остряком она их не бьет, не рубит, вина за ними невелика - малая, а плашмя все к ним прилегает. Хватаются старики-гласные, почетные казаки, за бока да за спины, в голос кричат и о водке забыли, а шашка-саморубка их все охаживает, все учит, чтобы из мужика они понапрасну копейку на водку себе не вымогали. Поучила она их, в ножны вскочила, и поехал Ванюшка дальше. За станицу выехал, на Астраханский шлях свернул и едет. Везде Ванюшка над неправдой и злодеями суд свой справедливый с шашкой-саморубкой творят, и немало злодеев шашка-саморубка порубила. Барина Живоглотова она зарубила за то, что он с мужиков за оброк последние лапти поснимал, купца-аршинника не помиловала, тоже зарубила, аршин у него о пятнадцати вершков был, в ад его отправила - пусть чертям он там докрасна каленые пятки голыми руками считает. Сняла голову шашка-саморубка с богатея, что не пожалел мужика и со двора за долги по-следнюю коровенку-буренку кормилицу его детей сводил. И еще много всяких

злодеев она порубила, всякой много неправды искоренила. Слух о Ванюшке в столицу, до самого царя дошел. Испугался царь, а ну-ка к нему самому Ванюшка приедет, в его столицу гостем незванным пожалует, во двор войдет, шашке-саморубке шепнет, и начнет она его верным слугам головы рубить, а потом и до него дойдет, с него голову снимет, не поглядит шашка-саморубка, что он царь. Ведь все люди, все человеки - за каждым грех водится. Нет такого человека у него, царя, чтобы руки вокруг мужика не грел, с него шкуры не снимал. Созвал царь всех своих приближенных к себе на совет. Думали, думали они, целый день думали. Поднялся один и говорит:

- Нужно Ванюшку уговорить, чтобы он к себе назад на Тихий Дон вместе со своею шашкой-саморубкой ехал.

Поднялся другой и говорит:

- Нет, пусть он в турецкую землю лучше едет, там свой труд вместе со своею шашкою-саморубкою творит, глядишь, какую сотню-другую турок порубит, нашему государству польза от этого будет. Поднялся третий и говорит:

- А лучше всего купить у Ванюшки эту шашку-саморубку, а если он, дурак, ее не продаст нам, то силою у него взять и в каменную крепость за семь дверей железных, за семь замков чугунных на веки вечные запереть, стражу надежную кругом поставить, и никого к ней пусть и близко не допускают.

Понравился царю совет последнего, третьего приближенного, и говорит он:

- Правильно, так должно и быть, сегодня же я к Ванюшке своих верных слуг пошлю и пусть они ту шашку-саморубку или купят у него, или силою возьмут. Как только шашка-саморубка у них в руках будет, пусть немедля же скачут, лошадей не жалеют, в каменную крепость везут и там за семью железными дверями, за семью чугунными замками на веки вечные запрут, стражу надежную кругом поставят, и никого к ней пусть и близко не допускают. На этом и порешили. В этот же день собрались царские слуги и к Ванюшке поехали. Долго ли, коротко ли они ехали, наконец приехали и видят широкое поле, а посреди него стоит шатер. Возле шатра на стульчике Ванюшка со своею шашкой-саморубкой сидит, а к нему мужички со всех сторон своих злодеев да обидчиков по рукам и ногам связанных волокут. И творит над ними Ванюшка со своею шашкой-саморубкой свой скорый суд и быструю расправу. Так и сверкает шашка саморубка на солнце, так и летят на землю да в стороны злодейские головы, не щадит их и не милует шашка-саморубка. Оробели дюже слуги царские, такое дело увидев, ходуном у них руки заходили, но делать нечего, пошли они к шатру. Подошли к Ванюшке и низко ему в ноги кланяются и говорят:

- Послал нас к тебе великий царь-государь, хочет он у тебя заветную шашку-саморубку купить, чтобы ему способнее было свой суд и расправу над людьми творить. Чего хочешь за нее проси - все дадим.

Поправил Ванюшка на голове у себя соболевою шапку, бровями черными повел и говорит слугам царским:

- Скажите своему царю, что заветная шашка-саморубка непродажная, и цены она не имеет. А что касается до суда, так мы без его царевой помощи управляемся, скоро всех с мужичками злодеев да обидчиков, во всем царстве, во всем государстве нашем вконец изведем. Чего только не сулили слуги царские Ванюшке, он их и слушать не хочет, белое лицо от них в сторону отворачивает. И горы они ему золота сулили, и кисельные берега и реки молочные, и полуцарства великого в обмен за шашку-саморубку давали - ничего не берет, а их и слушать не хочет. Видят слуги царские, что не уговорить им Ванюшку, не отдаст он им шашку-саморубку, ни за какие блага не променяет, а с пустыми руками, с таким, к великому своему царю-государю ехать им боязно, под сердитую руку попадешь - не помилует. Силой брать шашку-саморубку тоже нельзя, скажет ей Ванюшка, одно лишь словечко шепнет, и она их всех напрах порубит, не посмотрит, что они великого царя-государя верные слуги. И порешили они немного подождать, на широком поле побыть и шашку-саморубку у Ванюшки хитростью взять. Раскинули они свой шатер возле Ванюшкина с подветренной стороны, дождались вечера, развели костер и в большом казанке себе кулеш с салом варят. Наварили, наелись и возле костра пузами кверху лежат. Дождались, когда Ванюшка спать в своем шатре лег, бросили в костер они зелья, от какого человек память и ум свой теряет. Горит зелье в костре, черным дымом поднимается, и несет его ветер на Ванюшкин шатер. Помутилась у Ванюшки голова, память и ум напрочь отшибло. Повалился он головою своею на подушку в беспмятстве. Этого только и ждали слуги царские, кинулись они, как голодные волки, в Ванюшкин шатер, сорвали с него шашку-саморубку, спрятали ее поскорее, а самого заковали в крепкие железные цепи. Привезли Ванюшку в столицу к царю. Поглядел царь с высокого своего крыльца на Ванюшку, махнул белым платочком - раз махнул, два и в третий раз махнул. Схватили тут Ванюшку царские слуги под его руки белые, сорвали с него всю одежду и потащили на городскую площадь, где стояли два столба с перекладиной, какими пожаловал царь доброго молодца. Принял смерть Ванюшка, как казаку подобает: глазом не моргнул, бровью не повел. А шашку-саморубку, как царь приказал, его верные слуги немедля в каменную крепость отвезли, кругом нее стражу надежную поставили и никого ни единой души к ней близко не допускают. Так и лежала заветная Степана Тимофеевича Разина шашка-саморубка за семью дверями железными, за семью замками чутунными.

ДОНСКОЙ ГЕРОЙ ВИХРЬ АТАМАН ПЛАТОВ

Встретился как-то французский генерал с славным донским вихрем-атаманом Платовым и говорит ему:

- Удивляюсь я, как мои славные солдаты, побеждавшие всех царей и королей, немало их войска в плен побравшие, не могут осилить и одолеть твоих казаков. Моих солдат всегда в два, а то и в три раза больше бывает, а казак всегда их одолевает.

Улыбается славный донской вихрь-атаман Платов, свои усы покручивает.

- А ты думал как же, французский генерал, что же мы лыком, что ли, шиты, из гнилой мочалы виты? Будь твоих солдат и в десять раз больше донских казаков,

голову я на отсечение дать готов, всех они их одолеют, не тратя лишних слов. Нрав у них уже таков...

Не может этого быть, чтобы один твой донской казак моих десять славных солдат стоил, чтобы он в бою их мог всех одолеть. Не поверю я этому никогда.

Славный донской вихрь-атаман Платов свои усы опять покручивает, шашечку на себе поправляет.

- Это твое дело, хоть верь, хоть не верь, а вот скажи мне теперь, сколько времени нужно твоему солдату, чтобы в поход собраться и до своего ему врага добраться.

Задумался французский генерал. В уме прикинул и по пальцам сосчитал.

- Моему славному солдату потребуется в поход собраться и до врага добраться не много и не мало – целых три дня.

Славный донской вихрь-атаман Платов так и закрутил головой.

- Да ты, верно, французский генерал, с ума спятил, когда на сборы своему солдату столько времени отметил.

Французский генерал к нему:

- Сколько же времени надо твоему казаку?

Не стал тут с ним славный донской вихрь-атаман Платов лишних слов тратить.

- Пойдем лучше старого да бывалого, служивого казака спросим. Он тебе скажет, а лучше всего укажет – сколько ему времени на сборы в поход потребуется.

Согласился французский генерал с донским вихрем-атаманом Платовым. Пошли они старого да бывалого служивого казака спросить, сколько ему времени требуется в поход собраться, до своего врага добраться. Подошли к па-латке, а возле нее сидит старый да бывалый служивый казак, уздечку чинит. Глядит на казака французский генерал, дивится, как это он один десять его солдат может одолеть. Глядел-глядел, и спрашивает:

- Скажи, служивый казак, старый да бывалый, сколько времени тебе потребуется в поход собраться, до своего врага добраться?

Служивый казак старый да бывалый сам дюжа перед французским генералом не робеет, да тут и славный донской вихрь-атаман Платов его подбодряет.

- Ты, если хочешь, расскажи, а еще лучше французскому генералу самолично покажи, сколько тебе времени потребуется в поход собраться, до своего врага добраться. Да при этом не поленись, как надо подтянись.

Служивый казак старый да бывалый починил уздечку смаху и говорит:

- Хоть сейчас готов. Шашка с нами, ружье за плечами. Пику поднял, в руки взял. Конь напротив стоит и на меня глядит. Я на него уздечку надел, ногой в землю уперся и сел. Куда ехать - укажите, какого врага бить мне - прикажите.

Французский генерал на часы свои здоровые глядит, глаза, как баран, вылупил, стоит и славному донскому вихрю-атаману Платову говорит:

- Да и не может же этого быть, на моих здоровых часах и десяти минут не прошло, а твой служивый казак старый да бывалый сумел в поход собраться. Он и часа еще не пройдет - врага найдет.

Не выдержал тут славный донской вихрь-атаман Платов, рассмеялся и говорит французскому генералу:

- Где мне с моими казаками за тобою и твоими солдатами угнаться, когда они у тебя по три дня в поход любят собираться?

А сам все усы покручивает да смеется.

- Служивому казаку старому да бывалому не долго в поход собраться, до врага добраться. Не сумеет стриженная девка косы себе заплести, как он уж на коня успеет сесть. Сядет, поедет, врага узрит, на него ненароком налетит и победит.

Задумался французский генерал.

- Если так, то твоя правда, один казак моих десять солдат одолеть может, он их всех изничтожит.

Стал тут славный донской вихрь-атаман Платов прощаться, стал с ним ручкаться и говорит ему:

- Ты навсегда это заметь, на своем французском длинном носу отметь, что не скопом и ордою врага бьют, не разом все на него идут. Вся моя наука состоит в том, что надо

не робеть и не зевать, и будешь ты врага всегда побеждать.

Вызвал раз к себе Платова сам главнокомандующий всею русской армией генерал и фельдмаршал Кутузов. Как получил Платов от коннонарочного пакет с бумагою, где сообщалось, что он должен не медля ни одной минуты к нему в самый главный штаб скакать, выскочил тут же Платов из палатки, коня плетью через лоб вытянул и, что было у него силы, поскакал. Прискакал, коня за повод у крыльца одним махом прикрутил и идет по чулану, плетью помахивает, себя по сапогу бьет. Вошел в переднюю горницу и говорит ординарцам:

- Идите Кутузову сейчас докладывайте, к нему Платов приехал.

Побежали ординарцы к Кутузову говорить, что к нему Платов приехал. А Платов тем временем все по передней горнице похаживает, не сидится ему, да поглядывает, чем эта горница у Кутузова убрана. Видит он, полы все у него коврами мягкими устланы. Наступишь на ковер ногою, а она в нем, как в траве,

вся и тонет. Подошел к окну, а возле него на особом маленьком столе какая-то белая здоровая макитра чудная стоит, и синими, и красными, и желтыми, и голубыми цветочками вся изукрашена. Стоит Платов перед окном и дивится на эту самую чудную макитру. В это время возьми да и выйди в переднюю горницу Кутузов. Заторопился Платов, хотел он поскорее с Кутузовым поздравиться, ручка за ручку с ним поручкаться. Поспешил да за ковер зацепился, шашкою промежду ножек стола запутался. Потянул ковер за собою, повалил стол на бок, белая да здоровая макитра чудная на пол упала да так вся на самые мелкие черепушки и разлетелась. Закачал головой Кутузов, закрутил.

. — Что же ты это, Платов, наделал? Мою самую дорогую китайскую вазу разбил, на самые мелкие черепушки она разлетелась. Так разлетелась, что теперь ее самому мудреному мастеру ни слепить, ни склеить не удастся. Хоть и неловко было Платову, да он не робеет.

- Ничего не сделаешь, ваше сиятельство, я уж и врагов своих всех привык так бить, что их самый мудреный мастер ни слепить, ни склеить не сумеет. А то что бы я и за вояка тогда был.

Улыбнулся Кутузов. Приободрился Платов, усы свои не так ли покручивает.

- Так уже оно, ваше сиятельство, повелось покона веков, если казак чего в полон с боя не возьмет, тогда уже он его вдребезги разобьет.

Рассмеялся Кутузов, за бока себя хватает, на глазах слезы утирает.

- Молодец, казак Платов, что не растерялся, своей неловкости не испугался.

КАЗАНOK

Дело это после бунта (Булавинское восстание - прим. ред.) было, когда все хоперские станицы царские солдаты пожгли и поразорили.

Остались в станицах старики, старухи да бабы с малыми детьми погорельцами. Жить им было негде, и хлеба тоже не достать. Не лучше чем в других станицах были дела и в нашей. Куда ни глянь - горе и слезы, везде нищета неприкрытая. Зима с морозами да вьюгами заходит. Для жилья себе казаки землянки порыли, плохо ли, хорошо ли живут. А вот с хлебом так тут совсем беда подошла. Ни у кого во всей станице самой что ни на есть завалящей корочки на поглядение не осталось. Если бы не один случай - всем бы зимою пришлось, нашим станичникам, с голоду подыхать. А случился он этот случай с девочкой-малолеткой от рода семилеточкой. Была она круглой сиротою, — ни отца ни матери у нее не было, и притулиться ей негде было. Она где ночь, где день по чужим людям ходила. В этот день она ходила-ходила, никто ей ничего не подал, у самих наших станичников нечего есть было. Во рту с самого утра у нее маковой росинки не было. Ходила она до самого вечера, ничего не выходила и поздним вечером за станицу вышла, на яр села и сидит, кругом себя по сторонам поглядывает. Никого сначала ни одной живой души не было, потом глядит - от Хопра к ней казак уже не молодой малолеток, а служивый прямехонько идет.

Заробела чего-то девочка-малолеточка, хотела было от него убежать, да ноги не слушаются, не идут, сами собою подламываются. Сидит девочка-малолеточка не ворохнется, а служивый казак к ней подошел, поглядел да так ласково ей и говорит:

- Скажи мне, девочка-малолеточка, что ты не в доме отца с матерью под окошком сидишь, а вот тут на яру, к тырле, гнешься?

Загорюнилась девочка-малолеточка, и отвечает она служивому казаку на его ласковые слова:

- А нет у меня ни родимого отца с матерью, ни родительского дома с окошечком, и негде мне, кроме как тут на ветру, сидеть. Да это бы с полбеды было, сидела бы я тут да холод-стужу терпела, а когда дюже бы мерзнуть стала, попросилась бы к добрым людям, моим станичникам, отогреться, а беда моя, что с самого раннего утра у меня во рту ни маковой росинки не было. И просила я у станичников, чтобы они мне хлебца маленький кусочек подали, но у них самих своей что ни на есть завалящей корочки нет, и придется мне теперь, сироте, с голоду помирать.

Стоит, задумался служивый казак, видать, он к сердцу чужую беду-горе и сиротские слезы принимает. Долго стоял он так, а потом как топнет левой ногой, как крикнет громким голосом:

- А ну-ка встань, явись передо мною, как лист перед травой, казанок мой, не простой и не один, вместе с словом наговорным своим!..

Глядит девочка-малолеточка, а к ногам служивого казака катиться так небольшой казанок, всего в него пригоршни две пшена войдет, не больше. Поднял он его с земли и дает девочке-малолеточке.

- На, возьми и пусть у тебя будет до тех пор, пока нужда твоя не убудет. Знай, что этот казанок не простой: как ты есть только захочешь, ничего тебе не надо, бери этот казанок, над огнем повесь и скажи: «Вари, казанок, вари, пузанок, кашку мякеньку, молочну-сладеньку». Как только ты это скажешь, так он и начнёт варить, успевай только есть, а как наешься, сними его с огня, положи кверху доньшком и скажи: «Казанок, казанок, слуга верный ты мой, вот тебе отдых и покой». И будет казанок лежать смиренно и тихо.

Обрадовалась девочка, не знает, как служивого казака и благодарить. Хотела она ему в ножки поклониться, да он ее, девочку-малолеточку, до этого не допустил и говорит ей:

- А кто из злых людей да завистливых на твой казанок-пузанок позарится, так ты скажи: «Не тронь, а то придется тебе, лиходей, с самим Степаном Тимофеевичем Разиным дело иметь». Это ведь я его отобрал, с боя у персидского

хана себе взял.

Как сказал это служивый казак, так в темноте и пропал, словно его и сроду никогда не было. А девочка, не долго думая, тут же на яру набрала кизяков,

разложила костер, поставила на него казанок и говорит, как ей служивый казак приказал:

- Вари, казанок, вари, пузанок, кашку мякеньку, молочну-сладеньку.

И начал казанок варить. На огонек к девочке-малолеточке мало-помалу вся станица прибежала, - старики со старухами, бабы с малыми детьми и кое-какие служивые казаки все кашу едят да похваливают, да еще поприбавить себе каждый попрашивает. Девочка-малолеточка была не жадная, добрая — всем каши молочной вволю верхом накладывает и раз и другой, ни единого человека, ни старого, ни малого не обижает - всех потчует да привечает. Так и прокормились наши станичники в ту голодную зиму вокруг казанка-пузанка, какой Степан Тимофеевич Разин с боем у персидского хана отбил, а девочка-малолеточка в те времена на всю станицу кашеваркой была.

ПРИСТАНСКИЙ ГОРОДОК

После великого бунта на Хопре осталось от Пристанского городка одно ровное да голое место. Все казачьи дома солдаты пришли и напрах пожгли, с черною землею сравняли, казаков, жен их и детей малых побили да поразогнали. А самое место, где Пристанский городок стоял, царь отдал Родионову, что из простых казаков во дворяне выслужился, а выслужился тем он, что свою совесть царским воеводам продал, вместе с ними станицы казачьи разорял. Как только получил себе землю Родионов на вечное владение, так сейчас же загнал на нее десять пар быков, всю вчистую распахал, ямы накопал и фруктовый сад рассадил. Много воды в Хопре утекло, много лет с тех пор прошло. Позабыли казаки и о бунте, и о Пристанском городке забыли, и не всякий то место укажет, где он стоял. Вырос на том месте, поднялся сад, Родионовым посаженный. От отца к сыну, от сына к внуку из рук в руки сад переходил. И до сего дня над Хопром он стоит красуется, в его воды глядится. Совсем бы забыли казаки о Пристанском городке, если бы не было такого случая с одним акуловским казаком. Искал свою лошадь казак, долго искал, пока к вечеру на нее не напался в бараке, что об самый край Родионовского сада проходит. Видит казак, на самом дне его лошадь лежит, все ноги переломала, напрах она разбилась. Спустился он в барак, содрал с нее кожу, через плечо себе ее перекинул и идет по бараку. Глянул вверх, а в крутом песчаном обрыве большая-большая дверь чернеется, из чугуна вся литая. Пришел казак домой, с женой погорелись о лошади, погорелись и легли спать. Но не спится ему, все черная дверь в песчаном обрыве, из чугуна вся литая, так и мерещится. Встал казак, походил по хате, оделся и сам не помнит, как в бараке очутился. Подходит к песчаному обрыву, а дверь чугунная большая-большая настежь распахнута, и возле нее казак в красном чекмене и в черной папахе стоит. Через плечо у него ремень, а на ремне кривая татарская шашка висит. Рукой он казаку машет, к себе его кличет. Подошел к нему казак, а он его и спрашивает:

- Чего ты, казак, ночью ходишь, в неположенные часы по бараку бродишь?

А тот ему отвечает:

- Да случилось у меня большое горе непоправимое, свалилась в этот самый барак у меня лошадь и насмерть разбилась. А была она у меня одна, а теперь вот я ума не приложу, что буду делать. Не спится мне, вот я и по бараку скитаюсь и брожу.

Усмехнулся казак в красном чекмене и красной папахе, потрогал рукою свою татарскую кривую шашку и говорит:

- Невелико же твое, казак, большое горе, и помочь я ему легко могу. Иди вот в эту дверь, - и он указал на чугунную дверь, возле какой стоял, - дойди до первого из железа кованного сундука и возьми из него ровно десять червонцев, а потом все прямо иди, все прямо и выйдешь на белый свет. Только одно запомни: ничего, чего бы ты ни увидел там, кроме этих десяти червонцев, не бери, рукою ни к чему не касайся.

Переступил казак через чугунный порог за чугунную дверь и идет. Глядит, осматривается - по бокам каменные стены, в них выемки сделаны, а в выемках каганцы с бараньим салом стоят горят. Потолок тоже каменный, и полы под ногой чутко тоже камнем мощены. Не помнит он, долго ли, скоро ли шел, только смотрит возле стены железный кованный сундук стоит. Крышка открыта, и края ее блестят, до того они острые, острее любой шашки будут. Подошел казак, отсчитал себе ровно десять червонцев, как ему казак в красном чекмене и красной папахе с кривою татарской шашкой приказывал, в карман себе положил и пошел прямо. Идет и диву дается. По стенам с обоих боков сундуки открытые стоят, а в них и серебро, и золото, и жемчуг, и самоцветные камни горят, всеми цветами переливаются. Глянет казак на все эти богатства, глаза у него разбегаются, но не только что взять, тронуть их пальцем не смеет. Так шел он, шел и не заметил, как у семи дубков вышел. Пришел домой рано утром, все жене рассказал, деньги ей десять червонцев показал и ушел сам в станицу лошадь покупать. К вечеру привел домой не лошадь, а картину. Весь хутор собрался, глядят, дивятся, казаки спрашивают, откуда он столько денег взял. А он всем своим хуторцам, как дело с ним было, рассказывает - и про чугунную дверь, и про казака в красном чекмене и черной папахе, с кривою татарской шашкой, и про подземный ход, камнем мощный, и про несметные богатства, какие он там в сундуках видел, и про десять червонцев, какие он там в сундуках взял, и вот теперь-то на них купил он себе в станице лошадь. Слушают казаки его и дивятся. Только один самый богатый в хуторе казак, по прозванию Пырси́к, в уме все прикидывает, на ус все мотает, как бы себе все те богатства переправить. Не успел он толком дослушать казака, скорее побежал к тархану, за полтинник что ни на есть дрянную клячу о трех ног купил. Приволок, и пока она еще не сдохла, сам же ее поскорее в барак спихнул. Потом спустился в барак, кожу снял и домой отнес. В белом песчаном обрыве черную дверь, из чугуна всю литую, за приметил, и как только свечерело, так явился в барак и ходит возле нее, и ходит, вьюном вьется. Никак не дожидется, как черная дверь, из чугуна вся литая, откроется. Долго Пырси́к ждал, а своего дождался: распахнулась дверь настежь, и вышел из нее казак в красном чекмене и в черной папахе, через плечо у него ремень, а на ремне кривая татарская шашка висит, сбочь двери стал и стоит. Постоял. Пырси́ка увидал и рукою машет, к себе его кличет. Подошел к нему Пырси́к, а он его и спрашивает:

- Чего ты, казак, ночью ходишь, в неположенные часы по бараку бродишь?

А Пырстик ему спешит отвечает, словами захлебывается, сам ажник души не чает, как бы поскорее казак его за чугунную дверь пустил.

- Да случилось у меня большое горе непоправимое, свалилась в этот самый барак у меня лошадь и насмерть разбилась. А была она у меня одна, - брешет и своей брехней не подавится, забыл, видно, что у него на конюшне целых десять дончаков в стойлах стоит, - и теперь вот ума не приложу, что буду делать, не спится мне, вот я по бараку скитаюсь и брожу.

Нахмурился казак в красном чекмене и черной папахе, потрогал рукою свою кривую шашку и говорит:

- Чего же ты, толстопузый хам, от меня хочешь? Возрадовался Пырстик и пальцем на дверь указывает.

- А ты вот меня туда вон пусти!..

А сам норовит в нее линьком пронырнуть. Да только казак в красном чекмене и черной папахе с кривою татарскою шашкою через плечо нахмурился, сошлись у него бровь с бровью, и на лбу глубокие морщины легли.

- Ну пойдя, дойди до первого из железа кованного сундука и возьми из него ровно десять червонцев, а потом все прямо иди, все прямо и выйдешь на белый свет. Только одно запомни, ничего, чего бы ты ни увидел там, кроме этих десяти червонцев, не бери, рукою ни к чему не касайся.

И отошел от чугунной двери литой. Кинулся в нее Пырстик, не помня себя от радости нарыски бежит, чуть не спотыкается. Как добежал до железного кованного сундука, так и кинулся к нему, чуть не весь в него улез. Обе руки по локти запустил, к себе червонцы горстями гребет, и только хотел он первую горсть в карман положить, как приподнялась крышка сундука, по шее вдарила и голову ему напрочь отсекла. На другой день казаки его тело без головы у семи дубков нашли, а голова рядом на травке лежит. На груди бумажка прилеплена, а в ней все про Пырстика прописано, как он дюже богатым сразу захотел стать, из войсковой казны, что от всех тайно хранится, горстями стал золото гресть, и как он был за это наказан. Подивились, подивились казаки, Пырстика за кладбищем похоронили. И никто с этих пор больше в барак, что рядом с Родионовым садом был, на том месте, где раньше Пристанский городок стоял, не посмел ходить, к чугунной двери литой приглядываться. У казака в красном чекмене и черней папахе, с кривою татарскою шашкою через плечо, из войсковой казны, что тайно хранится, никто больше не осмелился себе червонцев просить.

КАК ВИХРЬ-АТАМАН ПЛАТОВ ВОЕННОЙ ХИТРОСТИ КАЗАКОВ УЧИЛ

Было это дело, когда под Сталинградом немцев наши войска со всех сторон окружили, в железное кольцо их крепко-накрепко зажали. Знают немцы, что

окружены они, но не сдаются, упираются, каждый шаг земли нашим войскам в то время у них с бою брать приходилось. Собрались как-то раз в блиндаже наши донские казаки - все лихие разведчики, из таких, что каждый не один раз немецких языков голыми руками брал. Собрались и гутарят, промеж себя речи держат. Друг дружке на то жалятся, что пошли немцы теперь все пуганые, стали они как зайцы чуткие - спят и во сне все слышат и видят. За последние три дня казакам-разведчикам ни одного немца взять, как ни примудрялись они, не довелось. За целых за десять шагов теперь немец чует, как казак к нему по земле ползет. Гутарят казаки, друг дружке на немцев жалятся, что пошел теперь немец чуткий да бережной, а сами все возле приглубки собрались, греются. И не заметили они, как вошел к ним казачок в новом нагольном полушубке овчинном, поясом ремненным туго подтянутый, росточком казачок этот так себе, небольшого дюжа, среднего будет. Вошел и к приглубочку тоже подошел, подсел и греется, казачьи речи сам слушает. Слушал, слушал, а потом казакам и говорит:

- Не может такого дела, братцы-станичники, быть, чтобы простой казак - немудрящий - хитрого и ушлого немца не обошел...

Заспорили с ним казаки, что теперь сразу немецкого языка не возьмешь — немец теперь казака за десять шагов чует. Усмехнулся себе в усы казачок в новом нагольном полушубке овчинном, поясом ремненным крепко подтянутый, и говорит.

- А ты на то и казак — должен ты немца за двенадцать шагов так скрутить, чтобы он у тебя никак ни пикнуть, ни ворохнуться уже не мог.

Поспорили с ним казаки, поспорили, а потом двое самых лихих разведчиков и говорят ему:

- Что нам речи попусту гутарить, пойдем-ка лучше вместе с нами попытаем, немецкого языка добудем, поглядим мы - у тебя поучимся, как нужно немца за двенадцать шагов так скрутить, чтобы он никак ни пикнуть и ни ворохнуться уже не мог.

- Пойдем, — сразу согласился казачок в новом нагольном полушубке овчинном, поясом ремненным туго подтянутый.

Вышли они из блиндажа - ночь такая темная, что в двух шагах человека уже не видать. Спустились они все трое от блиндажа по узенькой дорожке и поползли мимо сосен по склону Мамаева кургана, где немецкие окопы проходили, а в этих окопах их часовые сидели. Ползут и видят казаки-разведчики, в это время из-за тучи одним своим краешком луна выглянула, шагах в двенадцати немецкий часовой из окопа выглядывает, прислушивается, должно их, казаков, уже почуял. Присели казаки-разведчики и шепчут на ухо казачку в нагольном полушубке овчинном, поясом ремненным крепко подтянутому.

- Почуял нас немец, как его теперь мы брать будем?

А казачок в нагольном полушубке овчинном молча из-за пояса ременного крепкий аркан из конского волоса витой достает, и не успели казаки-разведчики слова сказать, как он правой рукою размахнулся и что есть силы метнул аркан. Обвился змеею аркан на шее у немца, захлестнул он его крепко-накрепко. Немец не успел и пикнуть, как казаки по ногам и рукам его уже скрутили. Через каких-нибудь полчаса в штаб на допрос доставили. Доставили казаки-разведчики немца в штаб и опять погреться в блиндаж идут. Идут и казачка в нагольном полушубке овчинном пытаются:

- Ты-то, скажи нам, пожалуйста, чей будешь?

Усмехнулся казачок себе в усы.

- Я-то - Платов, - небось вам про него, казакам, тоже не один раз слышать доводилось. Когда-то я французов здорово бил, их полки крушил - и за это меня все - и недруги, и други вихрем-атаманом звали, а теперь вот на старости лет мне довелось свои кости побеспокоить - не терпится мне, чешутся у меня руки, охота вас, своих внуков, малость поучить, как немцев премудрых арканом за шею ловить.

Сказал это и в темноте пропал, как лед в кипятке растаял. Подивились казаки-разведчики, но сразу же у Платова его ухватку переняли и - хоть немцы казаков за десять шагов чуяли, но казаки выучились ловко немцев арканом за шею таскать. Сначала это на Сталинградском фронте пошло, а потом и везде. Такие дела казаки вершить стали от самого Черного моря до самого Ледовитого океана, везде, где после Сталинградского разгрома немец чуток стал - да его казак своей смекалкой все равно брал. Всегда, когда надо, казаки-разведчики языков в избытке таскали, они у самого вихря-атamana Платова смекалку и всю его военную премудрость на Мамаевом кургане под славным городом-героем Сталинградом сразу с одного маху переняли. Казаки все хоть и простой народ, но дюже смекалистый пошел, у них у всех на плечах головы, а не как у немцев - глиняный кувшин пустой да чугунный казанок, не целый, а с немалою-большой дырой.

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА

Все это было у нас на Дону в незапамятные времена. В ту пору степи наши звались Диким полем. Везде, куда ни глянь, ковыли да травы высокие, а среди них пролегал Ногайский шлях. Татары по тому шляху на Русь ходили. Жилья нигде не заметишь, лишь по-над самым Доном да по-над речками, его притоками, редко-редко стояли казачьи городки. В них и днем и ночью начеку казаки, на карауле. Врага на себя каждый час ждали. Налетят враги из степи, а казаки отгонят их в степь. А побьют враги казаков - так беда: малых детей да девушек в полон заберут и гонят по Ногайскому шляху к самому Каспийскому морю. Идут девушки-полонянки по шляху, лица у них от солнца да степного ветра черные, сами босые, оборванные, голод и холод терпят. Горе одно, да и только. Но и у них был свой заступник.

На Дону, в затонах, да и в других степных речках каждое лето цветут кубышки - белые лилии. Их по-старинному одолень-травую величают. Она-то вот и была заступницей девушек-полонянок. Как вечер - на воду тут же упадет туман, и пропадут белые лилии. А на берег выйдет старичок, сам сухонький, борода белая, клинышком. В руках черемуховый костылик, за плечами переметная сума.

Шаги у него мелкие, а походка спорая, за одну ночь сто верст пройдет. Глядишь, он уже и у татар объявился. То нищим калекою милостыню просит, то именитым ханским гонцом прикинется, указы от самого хана читает, а то тороватым купцом объявится. И не столько продает, сколько из своей сумы раздает бархат да шелк даром. Татары-то и рады. А когда он их попросит, чтобы его допустили к девушкам-полонянкам, они ничего, не препятствуют. «Иди», говорят.

Купец поглядит на невольниц, свою переметную суму сбросит с плеч и начнет девушек потчевать медовыми маковками. Потом уйдет. А к вечеру, как станет солнце на закате, он ударится о землю, обернется белым лебедем, крикнет призывным голосом, и тут же все девушки-полонянки превратятся в лебедушек. Кинутся ловить их татары, да где им. Всю ночь лебединая стая в пути. На утренней заре она подлетит к Дону, падет на воду, попьет и выйдет на берег. Станут лебедушки девушками. Глянут на то место, где опустились на воду, а там цветут белые лилии, одолень-трава.

И теперь еще пожилые казаки-станичники, рассказывая это давнее старинное предание, обычно добавляют, как бы невзначай, что русским людям в великой нужде и в трудное время не только одолень-трава, но и каждая травка и былинка, родная матушка-землица помогают.

ЧТО НА СВЕТЕ ВСЕГО МИЛЕЕ

Как-то раз в привольной степи, на перекрестке двух дорог, встретились важный турецкий паша, вельможный польский пан и простой донской казак. Встретились и между собой повели речи. Долго обо всем беседовали. Наконец, вельможный пан говорит:

- А ну-ка, получше подумайте да потом скажите, что на свете всего милее?

Усмехнулся турецкий паша. По толстому брюху рукой гладит.

- Чего же тут думать. На свете всего милее жирный плов из риса с бараниной. Ешь его и пальцы оближешь.

Засмеялся вельможный пан.

- А по-моему, нет ничего милее на свете, чем дорогое вино. Ковш выпьешь, и по всему телу побежит огонь, радостно станет на сердце.

Заспорили турецкий паша и вельможный пан, что лучше: плов или вино. Донской казак слушал их слушал, а потом и говорит:

- Вижу я, что один из вас обжора, а другой пьяница. Всего милее на свете родная земля с ее широкими степями, дремучими лесами, высокими горами и быстрыми реками. На чужой стороне мне и жирный плов не пойдет в горло, вино покажется горьким. А на родной земле корку хлеба съем - и сыт буду, воды выпью - и другого ничего мне не надобно.

Больше с ними не стал казак терять даром слов, коня плетью тронул и дальше поехал своею дорогой.

ЧАЙКА

Старики и те об этом позабыли. А ведь когда-то все оно было. Тогда Азов был под турками. Крым - под татарами. Татары на конях по степям рыскали, на пашках частенько с казаками переведывались. Казаки же по Азовскому и Черному морям на легких стругах к турецким да к татарским берегам ходили. Громили басурманские города и крепости. Домой назад на тихий Дон возвращались с богатой добычей.

Как-то ушел молодой казак с товарищами в море, к далеким турецким берегам. Дома осталась у него молодая жена. Ждет казачка своего муженька из похода, никак не дожидается, то и дело поглядывает в окошко.

А казаков буря застигла в море, струг их разбила. Все потонули, лишь муж казачки спасся. Волною его вынесло на пустынный берег, где не оказалось ни одной живой души человеческой, только лишь дикие звери. Запечалился, загорился казак, теперь ему домой ни за что не вернуться, придется пропадать на чужой стороне.

Жена ждет его. Прошел год, а о казаке и его товарищах ни слуху, ни духу. Стал казачке не мил белый свет. Решила она - поеду сама к турецкому берегу, разыщу мужа живым или мертвым. Перед тем, как в путь тронуться, зашла к знахарке-ведунье. Та на нее посмотрела, а потом говорит:

- В море бояться тебе нечего, страшись чужого берега. На него не сходи; как твоя нога его коснется - быть беде.

- Ладно, - говорит казачка. Села в лодку и в путь.

Не сразу она попала к пустынному берегу, не сразу там отыскала своего мужа. Когда же его заметила и стала подъезжать к нему, то видит, муж ее под кустом лежит, не то спит, не то мертвый. Вспомнила казачка тут про наказ знахарки-ведуньи - не сходить на чужой берег. Поближе подплыла и мужа кликать стала. Он же лежит не шелохнется. У казачки все закипело внутри. Забыла она про всякие приказы да наказы, на берег выпрыгнула с лодки. И как только его коснулась, так тотчас же стала птицею, обернулась в чайку. С криком над своим мужем пролетела. Казак проснулся. Видит, чайка кружит над ним, а возле берега - лодка. Сел он в нее - и домой, а чайка около лодки вьется да кричит так тоскливо и печально. Казаку невдомек, что это жена его птицею обернулась.

С тех пор много в Дону утекло воды, не меньше прошло времени, а и до сих пор никак не может утешиться чайка, всегда она жалобно кричит.

ДАР ЕРМАКА

У Ермака Тимофеевича было два брата. Сам он третий, меньшей. Старшие братья рубили лес, вязали его в плоты и тем зарабатывали себе хлеб насущный. Ермак был еще парнишечкой, братья его жалели и не утруждали тяжелой работой. Но Ермак не сидел сложа руки, братьям помогал, был он у них кашеваром. Так шли год за годом. Вырос Ермак Тимофеевич, возмужал. В силу вошел и говорит братьям."

- Не по мне это дело: лес рубить и вязать его в плоты.

А братья ему в ответ:

- Мы тебя к нему и не неволим. Хочешь, иди и ищи такое себе дело, какое бы по сердцу и по душе пришлось.

И Ермак по русской земле пошел гулять, искать такое себе дело, какое бы ему пришлось по сердцу и по душе. В пути повстречался он с Иваном Кольцо, и стали друг другу они верными товарищами. Побывали в городах и селах, повидали там, как господа да бояре много зла и неправды делают. В острогах и темницах томится немало народа. Ермак и Иван Кольцо напали на один острог. Узников и невольников освободили, те с ними и пошли на матушку-Волгу. Справили легкие лодочки, стали разудалыми добрыми молодцами, начали зипуны да казну себе добывать. Лишнего ничего Ермак не брал, все, что у бояр да купцов заберет, то тут же бедному люду раздаст. Гулял Ермак Тимофеевич по матушке-Волге, большая дружина у него собралась, а когда подошла осень, он крепко задумался.

Спрашивают его други-товарищи:

- О чем ты так, наш славный атаман, закручинился?

- Как же не закручиниться мне, - отвечает Ермак, - где с вами будем зимовать зиму?

Тут призадумалась и вся дружина. Потом к купцам Строгановым идти решили, от лихих врагов охранять русские города и села. Перезимовали, и Ермак Строгановым говорит:

- Не дело это, сидеть и ждать, пока на тебя налетят враги. Лучше на них пойду сам со своею дружиною.

Строгановы Ермака снарядили, и он через Уральские горы пошел на Сибирь. Покорил татар и шлет своего друга Ивана Кольцо к царю Ивану Грозному. Долго ли, коротко ли, наконец, прибыл Иван Кольцо в Москву. Пошел к царю, а тот к себе его не допускает, через слугу передает:

Я с тобою, казак, не хочу речей терять, не желаю видеть тебя, а если мне на глаза попадешься, прикажу казнить.

Так ни с чем Ивану Кольцо пришлось возвращаться. Рассказал он Ермаку, как немилостиво встретил его царь. Осерчал Ермак.

- Сам, - говорит - поеду!

Собрался и тронулся тут же в путь. Приехал в Москву, царских слуг не стал спрашивать, прямо к царю идет и говорит:

- Знаешь, царь, я - Ермак, привез дар, но не тебе, а русскому народу. Этот дар - сибирские земли, прими их.

Тут сменил Иван Грозный свой гнев на милость и сказал:

- Проси у меня все, что хочешь!

А Ермак отвечает ему:

— Мне не надобно ничего, ни золота, ни серебра. Богатства я не ищу. Пусть русский народ владеет сибирскими землями да поминает меня добрым словом.

КАК СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН УШЕЛ ИЗ ОСТРОГА

Степан Тимофеевич Разин еще смолоду не гнул спину ни перед своими донскими старшинами, ни перед царскими воеводами. Им он низко не кланялся, не уступал ни в чем. Всегда стоял за голутвенных казаков. Дальше же больше - и его стали считать опасным человеком. Взяли да в острог и посадили. Крепкую поставили стражу. А Степан Тимофеевич не думает унывать, то поёт песенки, то к окошечку подойдет, поглядит сквозь железную решетку на вольный свет. Поглядит и примется опять петь. А потом из печи уголь взял, на стене нарисовал лодку и говорит страже:

- А не найдутся ли среди вас такие удальцы, что пожелают со мною прокатиться в легкой лодочке?

Стража вся от смеха так и покатывается. Тогда Степан Тимофеевич говорит:

- Не верите, так знайте, что у меня слово не расходится с делом!

Ногой топнул, стражники глядят - точно, перед ним река и настоящая лодка!

- Ну. что? - спрашивает их Степан Тимофеевич. А они не знают, что ему сказать.

Впрыгнул он в лодку, взял весло, оттолкнулся и поплыл. Тут стража только очнулась. Забегала, закричала.

- Да, что это ты, вор, задумал? Ведь за тебя нам придется перед воеводой своей головой ответ держать! А ну-ка, назад вернись!

А он им только рукой машет:

- Прощайте.

Стража бросилась в реку за ним. хотела схватить, да где там. волна набежала, и они чуть все не захлебнулись. А Степан Тимофеевич все дальше и дальше. Ушел из острога, не удержали ни стены каменные, ни решетки железные.

Вскоре же после этого слух прошел, что Степан Тимофеевич уже на Волге-матушке объявился, и у него много голутвенных казаков - целое войско. Он захватывает не только купеческие да царские корабли, а взял приступом города Царицын и Астрахань. И теперь царские воеводы не только самого Степана Тимофеевича боятся, но даже его имени.

Ехал однажды Степан Тимофеевич Разин среди каменных гор. Сам он и его конь сильно притомились. Захотелось Степану Тимофеевичу пить, да так, что нет больше терпения. Поглядел он по сторонам и видит: пещера, а возле нее старый богатырь. Степан Тимофеевич и подумал: «Дай-ка я подъеду к нему и попрошу попить».

Подъехал и видит, что перед ним сам богатырь Илюшенька Муромец. Степан Тимофеевич снял шапку, чинно поклонился и говорит:

- Нет ли водички у тебя, а то уж пить мне очень хочется.

Илюшенька Муромец посмотрел на него и так сказал:

- Водичка для добрых людей у меня никогда не переводится. Пойди в пещеру, там стоит ковшик, попей из него.

Степан Тимофеевич вошел в пещеру, а там стоит такой огромный ковш, что он еле-еле до его края дотянулся. Выпил немного, а Илюшенька Муромец ему говорит:

- А ну-ка, попробуй подними его.

Степан Тимофеевич взялся за ковш и лишь чуть-чуть приподнял от земли. Илюшенька Муромец покачал головой:

- А ты еще выпей!

Степан Тимофеевич еще выпил воды, а Илюшенька Муромец ему:

- Ну-ка, теперь попробуй!

Легко Степан Тимофеевич поднял ковш. Илюшенька Муромец поглядел, подумал, а потом сказал:

-Ты еще выпей!

Послушался его Степан Тимофеевич и еще выпил. Схватил одной рукою ковш, и показался он ему легче перышка.

- Ну-ка, теперь попробуй, - приказывает Илюшенька Муромец, - кинь его, что есть у тебя силы.

Степан Тимофеевич размахнулся и бросил ковш, да так, что он улетел на небо. Улетел и там загорелся семью яркими звездами, по числу драгоценных камней, какими он был украшен.

Засмеялся Илюшенька Муромец.

- Вот это сила так сила!

Тут и пошел Степан Тимофеевич простой народ поднимать против господ и бояр. А ковш Илюшеньки Муромца, что забросил он на небо, сияет вечно своими семью драгоценными камнями-звездами. Ночью всюду: и на море, и на суше указывает людям верный путь.

ПЕГИЕ КОНИ

Пришлось Степану Тимофеевичу Разину как-то раз со своими двумя верными есаулами Васькой Усом и Гришкой Драным уходить от воеводской погони. Весь день они не слезали с седел. Сами устали, и кони притомились. К тому же и ночь заходит. Решили отдохнуть. Остановились в корчме, тут же полегли спать. И не заметили, что кроме них в корчме был еще один постоялец - Мишка Шпынь. Он уже давно за три целковых продан воеводе. В полночь проснулся Степан Тимофеевич и толк есаула Василия в бок:

- Поди-ка погляди, как кони?

Василий вышел, глянул коней и - в корчму.

- Ничего, атаман, не беспокойся, стоят и жуют овес.

Уснули казаки. Перед рассветом опять проснулся Степан Тимофеевич. Разбудил есаула Гришку и тоже послал поглядеть коней. Но и минуты не прошло, как Гришка Драный бежит назад.

- Беда, атаман, Мишка Шпынь порубил коней и сам невесть куда сгинул. Нам теперь не уйти от воеводской погони.

Степан Тимофеевич чекмень на плечи и к коням. Поглядел, а они на куски порублены. Гришка и Васька стоят позади него, головы повесили, вздыхают тяжело. Степан Тимофеевич как крикнет на них:

Эй, вы, что приуныли, вздумали прежде, чем смерть пришла, умирать, до беды нам еще далеко. А ну-ка, живо беритесь, сложите лошадей, да так, чтобы у каждой голова, хвост и по четыре ноги было.

Долго ждать себя есаулы не заставили. Все враз сделали и говорят:

- Ну, мы, атаман, управились!

И тут Степан Тимофеевич сказал свое тайное заветное слово. Только успел промолвить его, кони поднялись на ноги, встряхнули гривами и копытами бьют о землю. Стоят есаулы и не верят своим глазам, а Степан Тимофеевич торопит их:

- Вы чего глаза-то зря таращите, седлайте поскорее, нам уже пора ехать, а то воеводская погоня и вправду настигнет.

Василий и Гришка оседлали коней и тронулись в путь. От корчмы верст пять отъехали, Гришка приглядывался все то к одному коню, то к другому, а потом говорит:

- Атаман, ведь вот что я примечаю - у тебя конь был рыжей масти, у меня - белой, у Василия - вороной. А сейчас они все какие-то пестрые, пегие.

Поглядел на своего коня Степан Тимофеевич, потом на тех, что были под его есаулами, и рассмеялся.

- Ведь это вы, ребята, перепутали, вот они и получились такие. Ну, да это не беда, беда, считай, тогда, когда не было бы никаких.

Ударил по коню плетью и поскакал вперед, а за ним есаулы. И пошли вот с тех-то самых пор пегие, на вид неказистые, зато выносливые и крепкие на ноги кони.

ЧУДЕСНЫЙ КОВЕР

Ехал Степан Тимофеевич Разин на своем добром коне. Седельце было у него новое казацкое, под ним ковер цветной, персидский. Ехал он не спеша, торопиться ему некуда. Вдруг, откуда ни возьмись, царский воевода, а следом за ним целый полк конных ратников. Воевода увидел Степана Тимофеевича, грозит ему плетью и что есть мочи кричит:

- Ага, попался, царский ослушник, давно по тебе плачут плаха да острый топор!

Степан Тимофеевич и бровью не повел, чуть-чуть лишь плетью коня подбадривает.

- Не уйдешь, разбойник! - опять кричит воевода. Сам плетью сечет, гонит коня, а за ним весь полк ратников.

Но Степан Тимофеевич не оробел. Конь у него надежный, сам же он не из трусливого десятка. И надумал он над царским воеводою потешиться. Коня попридержал, а воевода посчитал, что он у него выбился из сил. Выхватил саблю и летит. Степан Тимофеевич к себе его подпустил, и шашку тут из ножен, схватился с ним. Выбил саблю и сбил с воеводы шашкой тяжелую бобровую шапку. Вверх подбросил и рассек пополам. На воеводу поглядел, засмеялся.

- Ну, глупая ворона, какой же ты вояка!

И дальше поскакал, а полк ратников не отстает от него, гонит по пятам. К Волге Степан Тимофеевич выскочил. Расседлал коня. Снял седло. На воду бросил цветной персидский ковер. Завел коня, сам зашел на ковер. Рукой махнул, и ковер побежал, как легкая лодочка.

Ратники остановились у берега, а сделать ничего не могут.

Так от них невредимым ушел Степан Тимофеевич Разин. К тому же над воеводой еще подшутил - лишил дорогой бобровой шапки.

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОЛОКУ

Прослышал Степан Тимофеевич Разин, что астраханскому воеводе шлет царь, по Волге целый караван судов. Все гружены они не дорогими товарами, а огнестрельным зельем - порохом, ядрами, картечью и жеребеями для пушек. На судах этих крепкая охрана - стрельцы, а с ними едет воевода. У него скорописная грамота, в которой царь приказывает астраханскому воеводе снарядить своих людей, дать им ружья-мушкеты и медные пушки. Послать в устье речки Камышинки, что повыше города Царицына, и заложить там крепость с дубовыми рублеными стенами, обнести глубоким рвом и высоким земляным валом. Поставить пушки и больше не пускать с Дона казаков на Волгу, чтобы не смели они нападать на его государевы и на купеческие корабли.

Задумался Степан Тимофеевич Разин. Царь поставит крепость, тогда беда, не пройти казакам на Волгу с Дона, не гулять им на Каспийском море, не бывать в Персии. Где себе добудут тогда голутвенные казаки сукно на зипуны, а на сапоги юфти?.. И решил он перехватить тот царский караван со стрельцами и боевыми припасами, с воеводой, что вез в Астрахань царскую грамоту, с боя их взять.

Кликнул Степан Тимофеевич клич, к нему набралось немало казаков. Явился и есаул Василий Ус. По Дону на легких стругах дошли до устья речки Иловли. Поднялись по ней, и нужно им переволакиваться в речку Камышинку. А тут гонец прискакал. Вести привез: завтра утром мимо устья Камышинки пройдет царский караван. Есаул Василий говорит Степану Тимофеевичу:

- Значит, за ними нам не поспеть, чтобы казакам перетащить струги через Переволоку - нужно двое суток, за это время караван далеко уйдет вниз, не нагоним.

Нахмурился Степан Тимофеевич.

- Как так?

А Василий Ус ему:

- Да вот вышло оно так, ничего уже теперь не поделаешь, припозднились мы, позамешкались.

Степан Тимофеевич ему ничего на это не ответил. Прошел на нос струга, поправил шапку да своим зычным голосом как крикнет:

- Станьте, наши казацкие струги, подобно орлам да соколам, перенесите меня с казаками на Волгу-матушку!

И свершилось диво-дивное, глядят казаки и есаул Василий Ус и себе не смеют верить. Высоко чуть не к самому ясному солнышку поднялись вольными птицами их струги и по облакам, как по волнам плывут. Потом пали на Волгу. Вовремя

поспел Степан Тимофеевич с казаками. Вскоре подошел и царский караван. С бою казаки его взяли, воеводу схватили, головой в куль сунули да в воду, пусть там скорописную свою грамоту ракам да рыбам читает. Полковники да сотники стрелецкие в бою полегли, а простые стрельцы пошли с радостью к Степану Тимофеевичу служить, вместе с его молодцами добывать себе зипуны да сапоги яловые. Зелье огнестрельное - порох, ядра, картечь и жеребей тоже годились казакам при деле. Не пришлось астраханскому воеводе крепость поставить в устье речки Камышинки. Еще долго казаки через Переволоку с Дона на Волгу-матушку ходили.

ЗАВЕТНЫЙ КЛАД

Кондратий Афанасьевич Булавин от богатых да от жадных людей спрятал войсковую казну. Зарыл её в Пристанском городке в наложном месте. Тут ему были казаки верные, никому ни один лишнего слова не скажет, не выдаст. И когда царские войска взяли приступом этот городок, сожгли, то не удалось и им отыскать казну.

После на этом месте поселились дворяне Родионовы, усадьбу построили и сад посадили. Про клад, что зарыл был Кондратием Булавиным в Пристанском городке, они узнали от простого народа. Искали, но он не давался.

Один из Родионовых в Петербурге выслужился у царя, дошел до больших чинов, а потом попросился на покой. Приехал в свое родовое имение и решил отыскать клад. Нанял мужичков и приказал им рыть будто бы пруд в саду. Надеялся, что они на клад нападут, он тогда выгонит их, а всю казну заберет себе.

За мужиками следил сам барин. Они работают, а он на балконе сидит и глаз с них не спускает. Так день за днем и шел. Как-то раз вечером мужики кончили работу, пошли

ужинать. Барин удалился в свои покои, только один мужичок задержался, насыпь поправляет. Обернулся назад и видит: казак стоит. Указывает ему.

- Вот тут, вот тут рой!

Мужичок лопатой ударил раз, другой. Что-то звякнуло. Казак и говорит:

- Запомни это место, ночью придешь, укажешь своим товарищам, выроете, и кто куда, да так, чтобы никого из вас барин не сумел сыскать. Запомни также, что свой клад я - Кондратий Афанасьевич Булавин - жалею вам, простым мужикам, не хочу, чтобы попал он в дворянские руки.

Сказал и пропал, а мужичок тут же к своим товарищам поспешил. Рассказал про казака и про клад. Все они тут же принялись за работу, - благо, барин за день намаялся, и теперь некому было за ними подглядывать. Дружно работали мужики. Вырыли яму и видят - большой чугунный котел. Открыли, а он полон червонцев. Тут они не стали зря терять времени, собрались да в путь, чтобы поскорее да подальше уйти от барина.

Утром барин вышел, а мужиков нигде не видно, ждет-пождет, а их и след уже давно простыл. Догадался он - неспроста это. Гонцов во все концы шлет. Что только не делал, но ни мужиков, ни клада не отыскал. Не дался клал в жадные дворянские руки, не пришлось барину попользоваться войсковою казной.

АТАМАН НЕПОДКУПЕН

Степан Тимофеевич Разин со всем своим войском подошел к Астрахани и возле неё расположил стан. В городе за крепкими каменными стенами заперся царский воевода. Но беспокоило ему было! Не надеялся он ни на глубокий ров вокруг крепости, ни на ее высокие башни, не верил своим стрельцам. Решил пойти на хитрость, послать тайно к Степану Тимофеевичу своих послов-лазутчиков. Задумал он да так и сделал.

Ночью послы-лазутчики пробрались к Степану Тимофеевичу в стан. Отыскали его палатку, вошли, поклонились низко-низко и стоят. Степан Тимофеевич на них посмотрел и спрашивает:

- Вы что за люди?

А они ему опять низко кланяются.

- Мы к тебе от воеводы. Он нам велел тебе тайное слово сказать.

- Ну что же, говорите. Переглянулись послы-лазутчики.

- Просит тебя воевода отступить от города. Знает он, что ты заботишься о бедном люде. Но ты ведь не солнышко - всех не обогреешь. Подумай о себе лучше. Если отступишься от города, то воевода тебя так наградит, что его награды ни тебе, ни твоим детям, ни внукам не прожить. Хочет он тебе пожаловать десятиведерный дубовый бочонок и полон его насыпать золотыми червонцами.

Усмехнулся Степан Тимофеевич и говорит послам-лазутчикам:

- Дешево меня ваш воевода ценит. Пошептались послы-лазутчики, а потом говорят:

- Еще он даст тебе такой же бочонок скатного жемчуга.

Нахмурил Степан Тимофеевич свои черные брови. Послы-лазутчики опять пошептались и говорят:

- Даст он тебе еще такой же третий бочонок с самоцветными камнями. Им и цены никто не знает.

Степан Тимофеевич кликнул в палатку к себе добрых молодцев-казаков. Велел взять послов-лазутчиков, проводить до ближней заставы и сказал:

- А если вновь придут и не меня, а наших людей будут смущать, склонять богатыми посулами к измене и предательству, то их тут же повесить.

Так и вернулись послы-лазутчики ни с чем к своему воеводе.

БОЧОНОК И БОЧКА

Жили в одной станице домовитый казак Агафон и голутвенный казачок Федор. У Агафона все и в будни со стола валится, от хлеба ломаются закрома, лошадей и скота столько, что не помещается во дворе. А у Федора и в праздник не всегда найдется краюшка хлеба, ни амбаров, ни закромов не бывало, а скота - в одном кармане блоха на аркане, а в другом - черный таракан на цепи.

Так-то вот и жили они. Богатый богател, а бедный с хлеба на квас перебивался.

Как-то Федор пошел к Дону поймать рыбки. Глядит, а по-над берегом идут два казака. Оба в шапках-туркменках, в чекменях тонкого сукна. Один в алом, другой в темно-синем. Будто бы и незнакомые. Присмотрелся же получите, а это Степан Тимофеевич Разин с своим братом Фролом. Подходят к Федору, спрашивают:

- Ну, как твои дела, как живешь, казак? Федор голову опустил.
- Дела мои, за чего бы не взялся, из рук валятся, а житье - хуже некуда.

Задумался Степан Тимофеевич, а потом говорит брату:

- А что, Фролушка, не поможем ли мы его беде?

Фрол в ответ:

- А почему же бедному человеку не помочь. Укажем, где мы схоронили нашу казну.

К Дону подошел и говорит Федору:

- А ну-ка, в этом вот месте попытай!

Федор рубаху и портки с себя долой и нырнул в воду. Когда же вынырнул, Фрол спрашивает:

- Ну, как?
- Да ничего нет.
- Ты еще разок нырни.

Федор нырнул, и только голову успел из воды показать, Фрол ему:

- Ну, что?
- Что-то попадалось твердое.

Фрол командует:

- Ныряй скорее и тащи!

Федор так и сделал. Вытащил небольшой, но тяжелый-претяжелый бочонок. Степан Тимофеевич глядит на казака, смеется:

- Ну, теперь ты поживешь!

Пришел Федор домой. Открыл бочонок, глядит - глазам не верит, он полнехонек червонцев. Собрался народ, все дивятся. Узнал и сосед Агафон. Завидно ему стало.

- Ишь, сколько отвалили. Пойду-ка я к ним. Мне-то должны больше дать. Ведь я не чета Федьке, умею деньгам счет вести, каждую копейку сберегу.

И пошел. Степан Тимофеевич и Фрол у Дона стоят. Он к ним, и говорит:

- Это чего же, соседа моего оделили, а я что, в поле обсевок? Жалуйте-ка и мне казны да побольше!

Степан Тимофеевич переглянулся с Фролом и говорит:

- Видно, тебе все мало, ведь дом у тебя - полная чаша.

Агафон бородой затряс, закачал головой.

- Оно много добра-то лишним никогда не бывает.

Степан Тимофеевич усмехнулся.

- Тогда лезь в омут, там целая бочка. Бери и пользуйся, мы не жадные.

Агафон разделся поскорее, перекрестился и полез. Да так там, в омуте, и остался, утоп. Казаки его искать. Невод бросили и еле-еле вместе с бочкой выволокли. Он как за нее ухватился, так и замер, не оторвешь. Прибежала жена Агафона, причитает:

- Ох, мой Агафонушка, ох, родной мой! Меня покликнул бы, вдвоем-то выкатили бы с золотом бочку. Ну, да не тужи, я по тебе сорокоуст закажу, целый год буду панихидки служить, постараюсь - быть тебе в раю! А казаков любопытство берет. Вышибли у бочки дно, глянули, а в ней одни камни. Увидала их жена Агафона и по-другому запричитала.

- Дурак ты, дурак набитый! Спасибо, я не подумала пособить тебе. Не жди себе ни дна, ни покрывки, ни сорокоуста, ни панихидок. Иди-ка в ад к чертям, они там тебя поучат уму-разуму.

Пропал домовитый казак Агафон, жадность его погубила. Ему и своего бы добра в сто лет не прожить, детям и внукам осталось бы, а он за чужим погнался.

САМЫЕ БЫСТРЫЕ КОНИ

Когда Емельян Иванович Пугачев шел на Казань, то повстречался в пути с башкирами. Увидя его, они остановились. Вперед к нему выехал молодой ловкий и статный всадник. Снял лисий малахай, говорит Емельяну Ивановичу:

- Прими меня и моих товарищей к себе!

Пугачев посмотрел на него и спрашивает:

- А кто ты такой будешь?

- Если надобно, то расскажу.

Емельян Иванович кивнул головой.

- Что же, говори!

- Отец мой служил конюхом у хана. Много у этого хана было всякого добра: и золота, и серебра, и драгоценных камней, но больше всего славился он своими копями. Ни у кого не было таких. А растил их для него мой отец. Съехались как-то раз к хану его друзья. Каждый из них стал похваляться своими богатствами. Хан сидит, слушает, а потом говорит:

- Во всем свете нет ничего дороже и лучше моих коней, нигде таких не сыщете.

Гости с ним заспорили. Хан позвал моего отца и приказал привести самых лучших коней. Отец пошел на конюшню. Он решил показать хану и его гостям трех жеребят. Эти жеребята были самых лучших кровей, хотя поглядишь, и как будто бы в них нет ничего особенного. Но отец знал: вырастут - станут красавцами конями с пышными гривами, длинными хвостами, такие быстрые, что степной ветер и тот не сможет догнать их. Вывели жеребят, гости поглядели и рассмеялись.

- Если эти паршивые жеребята у тебя самые лучшие, то каковы же остальные кони?

Разгневался хан на моего отца, не захотел слушать. Выколол ему глаза и прогнал. В насмешку отдал ему жеребят.

Отец взял их, холил, растил, и из них вышли такие кони, каких еще никогда не бывало. Позвал меня тогда отец, дал самого лучшего коня и сказал:

- Пойди, отомсти хану!

Собрал я отряд молодцев, налетели мы на ханский дворец, сожгли его, а хана убили. Думали, избавим народ от тяжкого гнета, но не тут-то было. Пришли царские солдаты, от них я и мои товарищи бежали в степь. Скрывались там, а когда дошли слухи, что ты против воевод и бар поднялся, решили просить, чтобы принял нас в свое войско. Сообща легче будет их бить.

Улыбнулся Емельян Иванович.

- Правильно ты говоришь, вместе можно любого врага осилить.

И зачислил башкир в свое войско. Они служили у него исправно и считались самой лучшей конницей.

НЕОБЫЧНЫЕ ЖЕРЕБЕЙ И КАРТЕЧЬ

Раньше Камышин был крепостью. И когда подошел к нему Емельян Иванович Пугачев, то все уже было начеку - солдаты в ружье, пушки все

заряжены. Комендант и офицеры не думали сдаваться. Они от своих верных людей знали, что у Пугачева в обозе нет ни ядер, ни картечи, ни жеребеев. А так, с одними пиками и шашками крепости не возьмешь. Офицеры выйдут на крепостной вал, посмеиваются и кричат пугачевцам:

- У нас для каждого из вас свинцовой каши вдоволь приготовлено, поближе подходите, досыта накормим. Не то что у вас - раз выстрелить из пушки нечем.

Досада возьмет пугачевцев, бросятся па крепость, но не успеют добежать до ее вала, как по ним бить начнут картечью, да так, что волей-неволей назад повернешь.

Узнал об этом Емельян Иванович. Кликнул к себе своего главного начальника над пушками Ивашку Творогова.

- Это что же ты делаешь, почему у тебя пушкарки гуляют без дела, ни одного выстрела не дали по крепости, почему ты не потетишь господ офицеров, да так, чтобы они от страха зубом на зуб не попадали?

Ивашка Творогов только руками разводит:

- Ведь нечем!

- Как так?

- Да так, когда мы брали Саратов, то все ядра, жеребей и картечь извели.

Задумался Емельян Иванович, а потом спрашивает у Ивашки Творогова:

- Никак мы в Саратове немалую казну захватили?

- Десять возов меди да два воза серебра - отвечает ему Ивашка Творогов, - только ведь на них сейчас ни жеребеев, ни картечи не купишь.

Емельян Иванович на него поглядел и говорит:

- Вижу, у тебя нет смекалки. Пали по крепости пятаками да целковыми, они будут не хуже жеребеев и картечи.

Ивашка Творогов не стерпел тут:

- Ведь жалко стрелять деньгами.

- Раз я приказываю тебе, выполняй и не вздумай ослушаться. Наше дело не казну наживать, а бить господ дворян.

Не посмел Ивашка Творогов ослушаться Емельяна Ивановича. Начали пушкарки серебряными целковыми да медными пятаками по крепости палить. Не выстояла она, сдалась. Солдаты коменданта и офицеров веревками повязали, посадили под караул и открыли крепостные ворота.

Говорят:

- Мы вам не черти, чтобы каленые пятаки считать. Помилуйте!

И Емельян Иванович всех их помиловал, зачислил к себе в войско. К простому народу он всегда был милостлив, для него ему ничего не было жаль, за него он и сложил свою голову.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И КУЗНЕЦ

Царь Петр Первый спешил попасть поскорее в Воронеж: там строили корабли для похода на турецкую крепость Азов. В пути он неожиданно обнаружил, что у него сломался дорогой заграничный пистолет. Досадно царю: где он найдет таких мастеров, которые сумели бы исправить пистолет.

Вскоре Петр Первый остановился в одном селе, чтобы подковать лошадей. Кузнец кует лошадей, а царь прохаживается около кузни. Потом подошел к кузнецу и говорит:

- А не починишь ли ты мне заграничный пистолет? Кузнец отвечает:

- Это можно, только нужно мне его поглядеть. Царь велел принести пистолет. Кузнец поглядел.

- Хитрого тут, - говорит он, - ничего нет, починю. Утром за ним ко мне придешь.

На другой день царь пришел к кузнецу.

- Ну, как мой пистолет, готов?

- Нет, - отвечает ему кузнец, - придешь за ним завтра.

Царь строго посмотрел на него.

- Уж не испортил ли ты его? Смотри у меня!

- Если сломал, - отвечает кузнец, - так я весь в твоих руках, казнить ты меня волен, а починю - хочешь награди, а не хочешь, так и на том тебе будет спасибо.

Ушел царь, а на другой день опять идет к кузнецу. Только вошел, а кузнец ему подает два одинаковых пистолета.

- Ну, угадай, царь, который будет твой?

Царь глядит на пистолеты и дивится, не может узнать, который из них его будет.

- А откуда у тебя, -- спрашивает он, - другой пистолет?

Кузнец только посмеивается.

- А ты что же думал, одни иноземные мастера все умеют делать? Наши, брат, им ни в чем не уступят и всегда заткнут их за пояс. За один день я исправил твой пистолет, а на другой - такой же сам сделал. Бери себе их оба.

Обрадовался Петр, обнял кузнеца, расцеловал и не знал, чем его наградить. Потом назначил на тульские оружейные заводы главным мастером.

ЦЕНА ХЛЕБА И ЗОЛОТОЙ КАРЕТЫ

Жил в Москве богатый боярин, жил и не тужил. Вдруг пришел указ от царя Петра Первого - ехать ему под турецкую крепость Азов, служить государеву службу. Собрался боярин в дорогу, велел заложить шестериком свою золотую карету. В пути остановился он в одном селе, а там как раз был сам царь. Он тоже ехал под турецкую крепость Азов. Увидел Петр Первый золотую боярскую карету и остановился. Вокруг него собрались знатные дворяне.

- Ну, как вы думаете, - спросил их царь, - что она стоит? Какова ей цена?

Стоят дворяне, друг на друга поглядывают и никак не могут определить цену золотой кареты. Царь от них так и не дождался ответа. Позвал тогда к себе мужичков, что гут неподалеку стояли, и говорит им:

- Вот дворяне никак не могут определить, что стоил эта карета. Не знаете ли вы ей цену? Мужички подошли поближе.

- Знаем, - говорят они.

- Так скажите.

Одни из них вышел наперед, посмотрел на царя и на дворян и так начал свою речь:

- В доброе и хорошее житье этой карете и цепи нет, а в трудное время она не стоит и черствой краюшки хлеба.

Дворяне начали тут над мужиком смеяться, а царь им говорит:

- Он сказал истинную правду, золотые кареты требуются только боярам да дворянам для праздных потех и глупых затей, а хлеб и государству, и народу нужен в любое время. Он всему голова, запомните это и никогда не забывайте.

БОЯРСКИЙ СЫН ЕВСТРОПИЙ И КАЗАК МИТРОШКА

Царь Петр Первый издал указ, по которому все сыновья знатных дворян должны были ехать за границу и там пять лет обучаться разным наукам. Хочешь - не хочешь, а езжай.

Пришлось в дальний путь-дорогу собираться и боярскому сыну Евстропию. В услужение ему денщиком дали Митрошку - голутвенного казака. Поехали они в заморские края, и каждый занялся своим делом. Голутвенный казак Митрошка справляет все по дому, а боярского сына учителя за книги посадили. Сидит он и не столько читает, сколько скучает. Думает: «Вот докука, вот забота, экая на меня напасть, так ведь ни за что ни про, что без всякой провинки навалилась, как бы от нее избавиться». И надумал: пусть вместо него читает книги и постигает всякие премудрости Митрошка-денщик. А когда это нужно будет, он его с собою

прихватит, и Митрошка поможет. Так и сделал Евстропий. Митрошка дома управляет и сидит за книгами, постигает разные науки. Евстропий же ничем себя не утруждает, спит до полудня, а потом с друзьями-приятелями курит табак, вино пьет и играет в карты.

Так незаметно прошли пять лет. Нужно домой возвращаться. Сыновья знатных дворян из заморских краев в Петербург приехали. О них доложили самому царю. И Петр Первый решил устроить им экзамен. Собрали их, и царь каждого начал спрашивать. Дошла очередь до Евстропия. Царь его спрашивает, а он не может слова ему сказать, назад оглядывается и Митрошке, он тоже был с ним на экзамене, говорит:

- Что же молчишь, подсказывай!

Митрошка начал потихоньку подсказывать, Евстропий никак не разберет, что он говорит, да как прикрикнет на казака:

- Ты что, голос потерял, не можешь погромче?

Царь смотрит на них, а потом говорит Евстропию:

- Садись!

А Митрошку позвал к себе и какой ему не задаст вопрос, казак на него четко да так ладно отвечает. Царь только удивляется.

- Зело знатно, ты и вправду ведь все науки знаешь. Где же ты их изучал?

Митрошка все рассказал, как было. Царь рассмеялся.

- Значит, быть тебе офицером!

На Евстропия же строго посмотрел, погрозил пальцем.

- А тебе, боярский сын, у своего денщика в солдатах придется побыть, поучиться уму-разуму.

ПЛАТОВ И АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ

Донские казаки во время Отечественной войны 1812 года гнали французов до самой русской границы, а потом пошли дальше. Атаманом в то время у них был Платов. Много про его удачу и храбрость слышал английский король. Решил повидать героя и послал за ним корабль.

Вскоре Платов приехал в английскую столицу. Король обрадовался дорогому гостю, не знает, где посадить, чем угостить. Посадил он Платова на золоченый стульчик, угощает редкими кушаньями, винами.

Говорит король донскому атаману:

- Знаю, что ты бесстрашный и удалой человек, мне нужны такие люди. Хватит, послужил русскому царю, а теперь ко мне поступай. Я тебе платить буду жалованье без задержек и столько, сколько сам спросишь.

У Платова лицо потемнело.

- Послушай, английский король, если бы я такие слова услышал от кого-нибудь другого, то отрубил бы тут же ему голову, но так как ты вместе с нами бил французов, то скажу, что служу я не русскому царю, а матушке-России. Службы моей нельзя купить ни за какие деньги.

Сказал он это так, что король понял - Платову об этом напоминать больше не следует.

- Тогда, - говорит король, - за свою верность и храбрость проси у меня что хочешь, всем одарю.

А Платов усы покручивает.

- Ничего мне от тебя не надобно.

Предлагал английский король ему золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни. Платов ничего не берет. Король не знает, чем одарить его, потом глянул на стену, а на ней сабля. Ручка из чистого золота, ножны жемчугом и драгоценными камнями украшены. Поднялся король из-за стола, саблю со стены снял и говорит:

- Прими от меня хотя бы этот маленький подарок!

- Нет, мне не нужна твоя редкостная сабля, да она и не стоит моей простой шашки.

- Почему это? - удивился король.

- Сталь у нее будет не очень-то крепкая.

- Не может этого быть, - возражает король, - ее мне делали лучшие первоклассные английские мастера.

- Ну, так что же, - стоит на своем Платов. Заспорили, а потом Платов говорит:

- Зови своего офицера, мы испытаем с ним, чья сталь крепче.

Король позвал офицера. Платов вынул из ножен шашку.

- Ну, руби! - говорит.

Офицер размахнулся изо всех сил саблей, ударил. Посмотрели, на шашке никакого нет следа, даже самой малой зазубрины.

- Еще, - говорит Платов.

Офицер ударил во второй раз, и тоже ничего. В третий, а шашке хоть бы что. Платов стоит посмеивается.

- Ну, теперь ты держи!

Размахнулся и с одного удара пересек пополам редкостную саблю и говорит королю:

- Теперь сам видишь, чья сталь крепче.

Удивляется король.

- Где же это была изготовлена такая сталь, что за мастера ее делали, если не секрет, то скажи?

Платов рукой махнул.

- Какой там секрет. Сталь эта с Урала, а делали ее простые русские люди, мастера-умельцы.

Тут вскоре собрался Платов и к себе на тихий Дон из гостей домой уехал.

КОТЕЛОК СТЕПАНА РАЗИНА

Все это случилось весной 1813 года, когда со своим атаманом Матвеем Ивановичем Платовым шли казаки по Немецтине, Тяжелый был поход. Дождь и непогодь стояли. Дороги трудные, кругом, куда ни глянь, грязь невылазная. Обозы не поспевали за казаками, и несладко приходилось им. Сидели впроголодь, а иной день так совсем натошак. Корке хлебной были рады. У немцев тоже разжиться нечем, французы у них все подобрали. Питались они одним супом, таким, что, вздумай в нем картошку или крупинку пшена сыскать, так ложкой полоскать будешь целый день. И как-то вот пришлось одному казачьему полку без отдыха идти целый день. Притомились сильно и люди, и кони, вечером сделали у леса привал, костры развели. Кашевары да повара сидят без дела, не из чего готовить ужин.

Возле костров все казаки греются. Помалкивают, не до разговоров им и не до песен. Животы подвело, молчат.

Вдруг к одному костру, откуда ни возьмись, подходит казак. На служивых посмотрел, усмехнулся, спрашивает:

- Что же вы это, братцы, приуныли? Ни песен не поете, ни шуток-прибауток не слышно?

Все помалкивают, только один служивый буркнул:

- А с чего бы нам это балагурить да песни петь? Когда не жрамши сидим вторые сутки.

Задумался казак. Помолчал, а потом говорит:

- Так, верно, и быть, избавлю вас от этакой напасти. Худо, если приходится зубы на полку класть, а в походе – это уж вдвойне лихо.

И он тут над костром махнул рукою. Казаки глядят - посреди костра таганок появился, а на нем котелок маленький-премаленький. Думают, что же это за диво. А казак им на него указывает:

- Вот, братцы, котелок. Он досыта всех вас накормит.

Засмеялись казаки.

- Маловат уж больно, ведь его и на одного доброго едока не хватит.

- Ничего, снимайте да ешьте!

Казаки с тагана котелок сняли. В кружок сели и принялись дружно работать ложками, кашу с салом уписывать за обе щеки. И сколько бы не ели, в нем она не убывала, пока досыта не наелся весь полк.

Тут только служивые вспомнили про казака, что пожаловал им такой необычайный котелок. Хватились, но его нигде не оказалось, словно никогда и не было. А кто он – смекнул после уже один бывалый казачок, что в полк к ним сам Степан Тимофеевич Разин наведывался. Он простому казаку в его нужде готов всегда пособить.

Так пока полк не дошел до самого Парижа, весь он из маленького котелка харчился и все казаки бывали всегда сыты.

ЦАРСКАЯ ЧЕКА

Было это при царе Николае Первом. Ехали со службы из Петербурга на тихий Дон казаки. Только они выехали за город, а им катит навстречу царская карета, запряженная шестериком. В ней сам царь сидит и строго так поглядывает в окошечко. Казаки с дороги поскорее долой. Пролетела царская карета. Казаки опять выехали на дорогу, глядят, а на ней лежит золотая чека, видно, выскочила из царской кареты, больше неоткуда было ей взяться. Посоветовались и решили ехать назад в Петербург, вернуть царю его пропажу. Так и сделали. Приехали к царскому дворцу, доложили и ждут. Долго ждали, наконец вышел к ним сам царь, спрашивает:

- Вы зачем, казаки, ко мне приехали?

А они в ответ:

- Вот ехали вы в карете и потеряли золотую чеку, мы нашли ее и привезли вам.

Царь улыбнулся и говорит казакам:

- Молодцы, дарю ее вам за вашу честность!

Казаки обрадовались, да как им было не обрадоваться, ведь чека-то, думали они, золотая.

Поблагодарили царя за его щедрость и опять в путь-дорогу тронулись. Долго ли, коротко ли ехали, наконец прибыли к себе на тихий Дон в родную станицу и прямо к кузнецу. Кинули царскую чеку и говорят ему:

- Дели между нами, казаками, поровну и себя не обижай.

Кузнец взял чеку клещами, раскалил докрасна, ударил молотом. Еще раз ударил, а потом говорит:

- Братцы, ведь она железная, только сверху позолочена. Если не верите, так сами возьмите да получше поглядите.

Казаки глядят на чеку и диву даются: как же это? А кузнец им говорит:

- Тут нечему удивляться. У них, у царей-то, всегда так бывает: сверху блеск и роскошь, а внутри зло и ложь.

РЕПКА

Случилось как-то казаку ехать селом. Подъезжает к барскому дому, а на крыльцо в ту нору вышел барин. Увидал казака, подбоченился да и орет во всю глотку:

- Ты что за человек будешь, может быть, коновал, фельдшер, лекарь, а может быть, аптекарь?

Казак помахивает плетью и на барина поглядывает.

- А что хочешь - я и коновал, и фельдшер, и лекарь, и сам себе аптекарь!

- Ну, если так, то вылечи мою собачку!

- Это можно.

Казак с коня слез, и барин повел его в свои хоромы. Входят, а на ковре лежит пес большущий, жирный, ленивый от сытости. Хвостом по полу бьет. Казак поглядел на него и спрашивает:

- А чем же он болен?

Барин и пошел расписывать. Столько у своего пса насчитал болезней, что казаку их все и не запомнить. Главная же беда, что ничего даже с барином из одной тарелки жрать не хочет. Казак головой покачал, губами почмокал. Барин просит его:

- Сто рублей не пожалею, только вылечи.

Казак в уме прикинул - хорошо бы получить такие деньги. Подумал и говорит:

- Так и быть, твою собачку вылечу, но только с тем уговором, что бы я ни сказал, всё по-моему делать.

Барин согласен на всё, перечить не смеет. И казак тут за леку взялся. Первым делом распорядился приковать барского пса на цепь. Караул поставил. Никого, даже самого барина, не велел к нему подпускать. Прошёл день, другой, третий. Казак и заваливающей корочки не даёт псу. Тот вой на всё село поднял. Барин к нему, а караул близко не подпускает. Ещё прошло три дня. Барский пес отощал так, что выть уже не может. Тут к барину пришел казак, спрашивает:

- Скажи-ка, хозяин, какая у твоей собачки хворь была?

- Вкус потеряла она к хорошей пище.

- Значит, тогда я ее вылечил. Пойдем, сам поглядишь. Пришли, глядят. Пес сидит, шерсть вся на нем дыбом, ребра - хоть считай, барину стало чуть не до слез жаль свою собачку, казак же говорит:

- Скажи, чтобы принесли репы.

Барин распорядился. Слуги да лакеи рады стараться: целый мешок верхом приволокли. Казак одну репку взял, псу бросил. Тот поймал ее на лету и тут же сожрал. Казак барина толкает в бок локтем.

- Видишь, жрет сырую репу, значит вылечил.

Барин не стал перечить, побоялся, как бы казак его собачку совсем не уморил. Отдал сто рублей. А казак спрятал денежки, собрался быстренько, сел на коня и барину крикнул на прощание:

- Знаешь что, когда ты сам потеряешь вкус к хорошей пище, то меня с Тихого Дона покличь, уж я, так и быть, к тебе приеду, и ты будешь не хуже своей собачки жрать сырую репу.

КОЗЕЛ - ГРАМОТЕЙ

В одном селе жил знатный и сердитый-пресердитый барин. Был он, как и все его крепостные мужики, неграмотен. Один лишь мужичок ходил на заработки в Москву, чтобы барину заплатить оброк, и выучился там грамоте. Об этом барин узнал. Досадно ему, что крепостной мужичок стал умнее его. Подумал сам было поучиться грамоте, но лень его одолела. Передумал: не дворянское дело - сидеть с книгой. Возненавидел барин мужичка-грамотея, стал притеснять его всячески. Раз зовет к себе, говорит:

- Знаешь что, грамотей, вот есть у меня козел Васька, возьми к себе его, грамоте обучи. Выучится, станет читать книги, будет меня потешать. Сроку даю тебе две недели, не выучишь, - барин тут строго посмотрел на мужичка-грамотея, - пеняй на себя, отведаешь тогда плетей досыта.

Мужичок и туда, и сюда, а делать нечего. Взял козла Ваську с барского двора и повел. Привел домой, в сарай поставил, сам вошел в хату, сел под окошком, сидит. Пригорюнился, жена поглядела на него, спрашивает:

- Что же это ты, муженек, грустный такой сидишь, скучный - или какое большое горе-несчастье у тебя случилось?

Тяжело вздохнул мужичок-грамотей да и говорит:

- Разве это не горе, разве это не несчастье: барин приказал мне козла грамоте обучить. Сроку дал две недели. Если не выучу, будет пороть меня плетьюми.

Улыбнулась жена.

- Невелико твое горе-несчастье. Я твоей беде могу пособить. Обучу в три дня козла Ваську грамоте.

На другой день затеяла она блины. Напекла их целую стопу. Взяла книгу, после каждого листа по блину положила. Положила и ну потчевать козла. Козел сожрет блин и заорет: ме-ме-э-э! ме-ме-э-э! Так за три дня выучила она козла Ваську листать книгу и орать: ме-ме-э-э! ме-ме-э-э! Будто по складам выучился читать.

- Ну, - говорит жена мужу, - веди козла к барину. Видишь - грамотным стал.

Повел козла Ваську мужичок-грамотей в барские хоромы. Привел. Барин спрашивает у него:

- Ну что? Обучил уже грамоте моего козла?

- Обучил, - отвечает мужичок-грамотей.

Барин тут распорядился, чтобы слуги подали большую и толстую книгу. Положили перед козлом. И как только увидел козел Васька книгу, глаза выпучил, лезет, языком хватает листы и орет: ме-ме-э-э! ме-ме-э-э!

Барин удивился, козел и вправду грамоте обучен. Вот только разобрать не может, про что он это читает, и поближе подвинулся к нему.

А козел Васька в большой и толстой книге все страницы перелистал, не нашел блинов. Осерчал, поглядел по сторонам, на барина покосился да как рогами ему даст изо всех сил в толстое брюхо. Барин не устоял на ногах, наземь повалился. Слуги под руки подхватили, подняли.

Барин разозлился на мужичка-грамотея.

- Пороть его! Он обучил моего козла не только грамоте, но и непокорности. Сами видите, он чуть насмерть не убил меня.

Мужичка-грамотея тут же взяли под белые ручки, всыпали плетей так, что он прохворал целый месяц. Но на этом барин не успокоился, грозился его в конец сжить с белого света. Да только не пришлось ему исполнить своего обещания: ведь не все бывает по барскому хотению. Вскоре к нему в гости пожаловал Емельян Иванович Пугачев. А с крестьянскими обидчиками разговор бывал всегда у него коротким - петлю на шею да на осину, что повыше да понадежнее.

СМЕКАЛИСТЫЙ ЛЕКАРЬ

Смолоду с женой своей казак жил душа в душу. Люди глядели на них - радовались. А к старости, что муж не скажет жене - она ему все перечит. Стали чуть ли не каждый день ссориться. Старуха решила сходить к лекарю. С ним посоветоваться: может быть, он старику даст какое-нибудь лекарство.

Пришла к лекарю. Еще через порог переступить не успела, как на всю избу затараторила без удержки. Все на старика жалуется. Лекарь терпения набрался, до конца ее выслушал. Был он человек умный, смекалистый. И спрашивает.

- Ты это так и со своим стариком разговариваешь?

- А ты как же думал? - отвечает старуха, сама уперла руки в бока.

- Ну, тогда твоему горю легко помочь. Вот тебе бутылочка с целительной водою, как начнет тебя старик ругать, так ты ее в рот набери и смотри не выплевывай, не глотай до тех пор, пока он не замолчит.

Старуха лекаря поблагодарила - и домой. Не успела двери за собой прикрыть, как старик ее уже начал бранить.

- Где это ты была, где это ты пропадала?

А старуха поскорее целительной воды набрала в рот из бутылочки - и молчит. Старик побурчал и перестал.

С этих вот пор всегда стала так старуха делать. И живут они теперь дружно да ладно. Люди глядят на них - радуются.

ЗЕРКАЛО

Так то оно так, да не все сразу бывает хорошо да ладно. На ярмарке купила казачка зеркало. Тогда оно было большой редкостью, диковинкой. Домой приехала, мужу ничего не сказала. Спрятала в сундук и ушла. За чем-то полез в сундук муж. Смотрит - зеркало. Взял, повертел его в руках, глянул, а там тоже казак, молодой, бравый, усы черные, закручены кверху. Ему в голову и вошло - не иначе жена с ярмарки привезла портрет своего милого. Долго думать не стал - пашку со стены сорвал, теще говорит:

- Сейчас пойду жене срублю голову!

Теща испугалась, заплакала.

- Да за что ты ее убить хочешь, чем перед тобой она провинилась?

Казак схватил зеркало, под нос теще сует.

- На, погляди на портрет ее милого, полюбуйся!

Теща глянула, не утерпела - рассмеялась.

- Да что ты, баба тут старая, страшная. Лицо - что печеное яблоко, морщинистое. Нос с подбородком шепчутся. Глядеть тошно.

Зять не верит теще. Зеркало возьмет, поглядит, там молодой казак. Заспорили они, один уступить другому никак не хочет. Теща тогда говорит:

- Давай позовем соседку, баба она хоть молодая, но рассудительная. Сразу разберется.

Позвали соседку. Она в зеркало глянула и улыбнулась тут же.

- Ах, какую я вижу красавицу, глядела бы на нее не нагладелась. Чернобровая, лицо белое, губы - что твоя вишенька спелая.

Теща ее в бок толкает.

- Да что ты говоришь, подумай! Там ведь старуха, старая-престарая.

А казак им:

- Что вы ни говорите - не поверю! Там красавец молодой.

Теща и соседка свое, а он свое, шум подняли на всю горницу. Спасибо хозяйка сама тут пришла, растолковала, что к чему. Долго все они смеялись. Соседка и хозяйка сами смеются да нет-нет в зеркало глянут. Полюбоваться им на себя охота. Только теща от него отворачивается, досадно ей: в зеркале видны все морщины и седины, от него ничего не скроешь и не спрячешь